

СМЕНА

23
1952

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Фотомонтаж А. Житомирского

Когда сказал товарищ Сталин:
Мир в мире будет сохранён! —
Борцы за мир стеною встали —
И небу жарко от знамён.

Словами Сталина согреты,
На страже мирного труда
Мы, молодёжь Страны Советов,
Стоим в передовых рядах!

Вас. ЖУРАВЛЕВ

Город Еманципинск. На молодёжном вечере в фойе
Дворца культуры имени А. С. Пушкина.
Фото А. Моклецова

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Декабрь. № 23. 1952 год.

Год
издания
29-й

В редакцию журнала

«СМЕНА»

Дорогие товарищи!

Мы пишем к вам из молодого города Еманжелинска. Всего лишь год назад это был небольшой шахтёрский посёлок. А сейчас он разросся и уже выглядит, как настоящий социалистический город. За это короткое время у нас выстроена красивая центральная улица, которую назвали Горняцкой. Она застроена ещё не вся, но по ней уже проложена каменная мостовая, а по бокам высажены молодые клёны. На главной площади, у которой ещё нет имени, в этом году построен Дворец культуры. Это — самое высокое и самое красивое здание в нашем городе. Особенно красивым бывает оно вечером, когда к ярко освещённым колоннам подъезжают шахтёры на своих машинах и с песнями подходит сюда молодёжь.

Мы, молодые жители Еманжелинска, с радостью отдаём своё свободное время на его благоустройство. Вокруг новых школ и молодёжных общежитий мы насе-

дили деревья, разбили клумбы. Весной будем расширять городской парк, строить водную станцию и стадион.

Наш город растёт с каждым днём.

В новой пятилетке по добыче угля наш Еманжелинск займёт одно из ведущих мест в Челябинском бассейне. В следующем году у нас закладывается шахта, которую мы уже сейчас называем шахтой будущего. Весь труд на ней будет механизирован и автоматизирован. Люди будут только управлять машинами и механизмами.

Мы счастливы, что живём и трудимся в нашей замечательной стране, где молодёжи открыты все пути, где наша партия и лично товарищ Сталин по-отечески заботятся о нашем счастье. И это счастье охраняется великим законом — Сталинской Конституцией.

Одним из многих тысяч примеров сталинской заботы о нас, советской молодёжи, является наш молодой город, рождённый по воле партии и нашего лучшего друга и учителя, вождя народов Иосифа Виссарионовича Сталина.

На эту заботу мы отвечаем любовью и преданностью делу коммунизма, своим вдохновенным трудом на благо любимой Родины, на благо мира во всём мире.

Мы просим редакцию нашего молодёжного журнала рассказать советским юношам и девушкам об одном из многих городов, рождённых новой пятилеткой, о нашем Еманжелинске, который растёт и хорошеет день ото дня у южных склонов Уральских гор.

*В. Меньшенин, В. Емельянов, И. Морозов,
А. Алексеев, В. Пушкарёв, В. Басаргин,
И. Бушиной, В. Грибачёв, С. Мясников,
Н. Соломонов, В. Вист, А. Молодцов.*

НА УГОЛЬНОМ РАЗРЕЗЕ

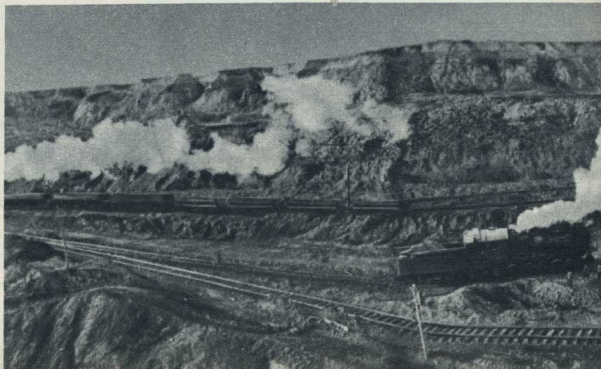
Здесь добывают уголь открытым способом.

На этих разрезах за последние годы вынута столько же грунта, сколько и на великой Волго-Донской стройке.

— У нас тоже великая стройка, — говорят — шахтёры. — Даем стране уголек!

Все процессы труда механизированы. Уголь подается по транспортеру на-гора, прямо в бункер, и после обогащения попадает в железнодорожные вагоны. В некоторых забоях уголь добывается гидромеханическим способом. Вместе с водой по трубопроводу он также идёт на-гора.

На снимке: панорама угольного разреза.

ЕМАНЖЕЛИНСК— ГОРОД НОВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Идет второй год пятой сталинской пятилетки, а на карте нашей Родины уже появились десятки новых городов, вызванных к жизни этой пятилеткой. Один из таких городов возник год тому назад на Южном Урале, в бассейне бурых углей,— город Еманжелинск.

И когда жители Еманжелинска, изучая гениальный труд товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», читают там об основном экономическом законе социализма, они на примере собственной жизни могут подтвердить великую правду каждого сталинского слова.

«Существенные черты и требования основного экономического закона социализма,— говорит товарищ Сталин,— можно было бы сформулировать примерно таким образом: обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники». Руководствуясь этим сталинским законом, наша партия и наше правительство дают советскому человеку всё необходимое для его счастья. Для еманжелинских шахтеров в согласии с этим законом был создан социалистический город со школами и больницами, с библиотеками и богатыми коммунальным хозяйством, с уютными городскими домами и дворцом культуры.

Еманжелинские горняки, как и весь советский народ, пользуются правами на труд, на отдых, на образование, щедро предоставляемыми им Сталинской Конституцией. Они работают на шахтах, оборудованных высшей техникой, они отдыхают в отличных здравницах своей Родины. Что касается образования, то здесь участвт все — дети, молодежь, взрослые,— учится весь молодой город.

Вот почему редакция журнала «Свены», получила письмо еманжелинской молодежи, решила рассказать на своих страницах о жизни молодежи только что рожденного горняцкого города.

Лучший рассказ о том, что собой представляет молодой город,— это рассказ фактов. Председатель Еманжелинского горсовета тов. Н. И. Ваганов рассказал корреспондентам «Свены»:

«В нашем городе более десяти тысяч домов, 54 улицы, семь из них появилось за последний год. Вообще интересно рассказать о том, что появилось у нас за этот последний год.

Еманжелинск был преобразован из рабочего посёлка в город областного подчинения. Открыты две новые школы, две библиотеки, 18 магазинов, проведен водопровод, проложено 20 километров дорог, освещено 6 новых улиц, установлено более тысячи радиоточек и триста телефонов, разбито четыре сквера, по улицам высажено 25 тысяч деревьев и кустарников.

Сбор отряда, посвященный Дню Сталинской Конституции, окончен, но шахтера не отпускают. «Василий Дмитриевич! Василий Дмитриевич!» — окрикнули пионеры почтового шахтера тов. Малашовского. — Расскажите нам еще что-нибудь».

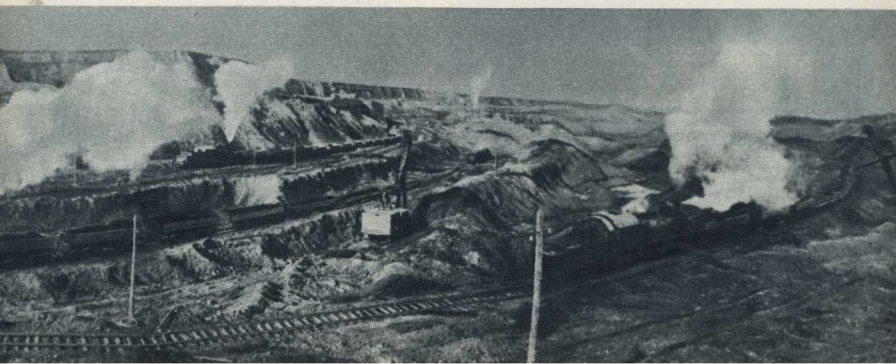
«Ну, хорошо, ребята, уславняйтесь. Я вам расскажу про шахту будущего.»

В городе выходят три печатные газеты: городская и две многотиражки.

С ростом материального и культурного уровня еманжелинцев возросло и их покупательная способность. Шахтеры-механики сейчас зарабатывают по 3—5 и более тысяч рублей в месяц. Только в этом году шахтеры приобрели в личное пользование 15 легковых

автомобилей, более 50 мотоциклов, 500 велосипедов, свыше 1 500 радиоприемников, большое количество охотничьих ружей и многое другое.

Еманжелинску один год. Но и он уже не самый молодой город Советского Союза. Такая темп жизни нашей страны, стремительно идущей и коммунизму.

Угольный забой открытого разреза.

А. ОДИНЦОВ

СБЯЗАННОСТИ

В шесть утра Анатолий Тимченко появляется в угольном разрезе. Он сразу видит всё, что делается у него на участке, вернее, догадывается, ибо видеть ещё нельзя: в предрассветную пору тускло светят прожекторы. Темнота. Вокруг только звуки. По стенам разреза журчит вода. Над ручейками лёд обрывает своды и раковины, в них вода глухо рожочет, будто кашит. В тишине утра отовсюду слышны журчащая вода и редкие расшумки паровозов. Они на той, на невидимой, чёрной стороне разреза, они на террасах друг над другом, там, где в жёлтых полосах света мелькнёт доверху наполненный породой ковш, а с ним рядом возникнет угол железнодорожной платформы — думшкара. И вкрут, будто раскалывается земля, откуда-то снизу бьют залпы — тяжёлые, тупые удары. Анатолий смотрит на часы. «Точно. Шесть пятнадцать». Это глубоко под землёй горники производят отпалку. Уголь берут и сверху, из разреза, и в шахте, из глубины.

Анатолий Тимченко — начальник участка угольного разреза. На Тимченко защитного цвета ботки, заправленные в высокие, подбиранные колёси сапоги, сидит стёганка. На голове небрежно надет меховая шапка, так что видны высокий лоб и пряди тёмных волос.

...Лобит Тимченко такие дни, как сегодня, когда спокойно, уверенным шагом можно пройти по участку. По огням, по свисткам чувствуется ровный ритм работы экскаваторов и паровозов. Анатолий спускается вниз, туда, где на самом дне разреза лежит скованное льдом озеро, и отмечает подъём на западный склон, на одну из террас. Террасы здесь, как ступени, и реальсы, проложенные по ним, идут всё выше и выше, от одного подъёма к другому. И вот уже начальник участка шагает по шпалам. Слева высокая стена, справа глубокий обрыв до следующей ступени, там, внизу, тоже реальсы.

И вдруг Анатолию кажется, что нога его повисает над пропастью. Он останавливается и осматривает землю вокруг шпала. «Вроде всё в порядке». Но его не могло обмануть чувство, присущее всем людям, до тонкости знающим своё дело, свою профессию.

...Так горняк по каким-то своим приметам в полной темноте останавливается у треснувшей крепи, так капитан выходит к штурвалу как раз в минуту, когда надо обойти мель...

Тимченко чирикает спичкой: он видит в земле тонкую, как молния, трещину. Не пряди он, заметил бы эту трещину дорожный мастер или ещё кто-нибудь, но всё равно ему, начальнику участка, пришлось бы ломать голову над тем, как обезопасить движение тяжёлых составов, как предупредить обвал. Тимченко садится на край борта, спустив ноги вниз. «Стодвинути реальсы некуда, — думает он, — значит, надо рыть, а тащить сюда экскаватор тоже нет смысла: надо будет разбирать пути, останавливать движение. И как назло, этот путь нужен всего лишь дня три ещё, не больше!»

— Эй, ты! Кто тут? — окликнули его в темноте. — Это ты, Тимченко?

— Я, дядя Евсеч.

— Чего сидишь?

— Да вот трещинка тут... Пути некуда сдвинуть...

Евсеч, старый кондуктор, с кожаной сумкой за боку, надев очки и, наклонившись рядом с Анатолием, тоже зажёг спичку.

— А я как раз о тебе вспоминала. Думаю, с Тимченко надо поговорить. А пути? Если сюда подсыпять породу, как ты на верхнем горизонте съёшь? А? Состава два есмь, то недальку продержится, а там есмь...

— Мне всего дни три надо выгладать. Пожалуй, можно попробовать, — медленно, всё ещё раздумывая, говорит Анатолий.

— Тут состава два, не больше. Да. Вот такие дела...

Старик поднял свою сумку, расстелил край брезентового паца, усеял рядом с Анатолием.

— Ты, говорит, Евсеч, в новый дом переехал? Как там, на носовые?

— Ничего... Евсеч с ответом не спешит. — Дом-то хорош. А форточки на кухне нет, двери вонзурт коммат открываються...

Непривычно это мне. Иду к строителям: «Вид, — говорю, — хотя б в других домах форточки поделайте». «Не можем, — говорят, — нет этого в проекте. Из-за этой форточки, дед, у нас весь дом не примет», — И, видя, что Тимченко злится, сбавот и, наклонившись над ним, что-то записывает, Евсеч продолжал: — И ещё жена говорит: пусай во дворе для каждой квартиры сарайчик строить... Мало ли у здешнего жителя — корова, поросёнок, или взять тебя — гараж нужен; теперь чуть ли не у всех — не машина, так мотоцикл... Ты новую купил? — Старик круто перевёл разговор.

— Новую, Евсеч. «Москвичка».

— А-! Хорошо... — Старик снял очки, аккуратно сложил их в футляр и молча посмотрел на Тимченко. — Да, Анатолий Карпович, вот такие дела...

Систематически улучшать методы разработки угольных месторождений. Шире внедрять новейшие горные машины и механизмы для комплексной механизации, дальнейшего технического перевооружения угольной промышленности и обеспечения роста производительности труда.

(Из директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы.)

— Ладно, Евсеньч. У нас в среду заседание исполкома, а сегодня я с председателем поговорю... О доме твоём скажу — дело это важное.

— Поговори. Ты у нас в Ватурино депутат, — твоё дело... А насчёт путей, так и поступай!.. Два состава — и всё тут.

Проводил Евсеньча, Анатолий поднимался на площадку, на которой экскаватор вынимал из забоя породу и погружал её в состав. Нижне начинался пасть угля. Молодой машинист, увидев Тимченко, привычным жестом отступил в сторону, начальством подана две руки с распорочными пальцами и ещё два пальца: «Двенадцать». Двенадцать составов погрузил Александр Бобунов за ночь. Больше двух тысяч кубометров Анатолий Тимченко удивительно качает головой и выжидает часа.

Недавно Александр Бобунов стал родственником Тимченко: женился на младшей сестре его жены, Марии. С этих пор Анатолий требовательнее относится к своему лучшему экскаваторщику. И эта перемена сгорчала скромного и трудолюбивого комсомольца. «Нам теперь нельзя и ниже, Саня, — объяснял Тимченко. — Начни ты хуже работать, как будем людям в глаза смотреть? Вот и спрашиваю пострее, чтобы помнил всегда. А на другой участок отступить — дело не позволяет: ты здесь нужен. Понял?»

Стоит Анатолий у машины и смотрит на часы. Стрелка хронометра отсчитывает двадцать секунд, и за это время стрела экскаватора успевает сделать два поворота, а ковш — набрать породу и выгрузить её. «Здорово, ах, здорово!» — думает про себя Тимченко. И верно, видное сократить цикл экскавации не умел ещё ни один машинист. Но теперь путь открыт. За Александром Бобуновым пойдут многие...

Бобунов, каждый раз поворачивая машину и освещая в рассветном тумане своего начальника прожектором, видит: свояк доволен.

Но Анатолий Тимченко не потому улыбается, что он доволен успехами своего ученика. Он уже думает о другом. Не так давно сюда на разрез приезжал с «Уралмашзавода» конструктор экскаватора Б. И. Сатовский. Он стоял на этом же месте и так же по секундной стрелке следил за работой своей машины. Но это была его и уже не его машина. Конструктор уже давно привык, что на стройках, на угольных разрезах машины переделываются, приспособляются к новым условиям. И вот десятки людей приобщались к работе над ними и как бы вошли в состав конструкторского бюро.

На стройке у Жигулей комсомольцу Борису Коваленко и здешнему экскаваторщику Петру Выкову по надобности ковши большего размера, и такие ковши были сделаны по проекту рабочих; здесь в разрезе по надобности более длинная стрела, и теперь, около такой обновлённой машины, стоит конструктор. Чувство общественного долга заставляло людей беспокоиться о «его» конструкции, заставляло вмешиваться, исправлять, устранять недостатки и тем самым улучшать машину.

Вспоминая беседу с Сатовским, в которой были сказаны эти слова о долге, Тимченко испытал то же самое чувство. Он был рад тому, что ещё один человек знает что-то своё, новое в общем

На участке Анатолия Тимченко. Слева от Тимченко — партрумпорг участка, помощник машиниста экскаватора Николай Ерманов; справа — машинист экскаватора Николай Шумakov.

дело. И чувство это было большое и чистое, и не возникало мысли, что своими успехами Бобунов обязан ему, своему учителю.

Слишком много было выстрададо, прежде чем надеяться на работу на участке. Да, Анатолий Тимченко учил, учил мудро, а подчас сурово.

— Когда два прошло, но помнится хорошо. Стояла поздняя осень — самая пора охоты перед отъездом уток. А тут ещё вперёд — первая неделя отпуска.

— Ну, что ж, Анатолий Карпович, — сказала начальник разреза, — отпуск, так отпуск. Только по-хозяйски посмотри на участке, подумай о будущем, предусмотри. Тогда иди в отпуск...

— За часем же тогда! — погорничал Тимченко. — Можно и сейчас, я всегда о будущем думаю...

— Ну, что ж, если так, иди сейчас.

В тот же день Анатолий сдал участок своему помощнику.

В первый же день новый начальник решил провести ремонт одной из машин. Предполагал, что дня за три справится. Но только начал ремонт, как в забой второго экскаватора прорвалась вода, тогда решили третьим экскаватором отнять трамплин, но и этой идее не удалось исполниться, так как в суматохе забыли проверить дорогу, и машина завязла. К обеду работа на участке остановилась. Об этом узнал Анатолий Тимченко лишь поздно вечером, когда, нагруженный охотничьими трофеями, возвращался домой. Он бросился в разрез. На участке он застал начальника разреза, главного инженера, секретаря партбюро. И вот в маленькой будочке стрелочницы, прилепившейся у самого борта над высотой, произошла разговор.

— Идите, Анатолий Карпович, отдыхайте, — сказала начальник разрез.

— Не побуду, это мой участок, я всё сделаю...

— Иди, Анатолий Карпович, отдыхай, — повторила секретарь партбюро, — мы тут без тебя справимся, общими усилиями.

Иначе всего сохранилась в памяти эти слова — «без тебя». Так и не допустели Тимченко до работы. Через месяц, когда Тимченко пришёл в нарядную, начальник разреза сказал ему просто:

ВСЕ УЧАТСЯ.

Готовится к занятиям комсомольского политехниума пролампидист Анатолий Тимченко, делает урони шильонца Людмила; жена Тимченко, Анастасия, помогает дочке. Такую картину можно наблюдать по вечерам в каждом доме.

В молодом городе Еманжелинске 10 средних школ, 2 школы рабочей молодёжи и 2 горнопромышленные школы. В них обучается около 5 тысяч человек. В 44 кружках комсомольской политехники занимается 603 человека, а всего различными формами учёбы овладевает более полутора тысяч комсомольцев и молодых. На различных технических курсах, в кружках и клубах комсомольцы получают технические знания около 2 тысяч человек. Всего учится около 10 тысяч жителей Еманжелинска.

— Постарайтесь теперь получить работу на своём участке, — он сделал ударение на слове «своём» и добавил: — и предусмотреть...

...много было выстроено за этот месяц, но зато насколько выше и качественней стала теперь работа на участке, зато он сам научился ежедневно, даже ежечасно представлять себе будущие маршруты экскаваторов, исследовать почвы забоя, выбирать условия направления для укладов реально, предусматривать возможность трещины в слоек пород. Будто в голую землю вода, встав, там заранее прокладывает пути.

...Быстро летит время. Два часа промелькнула — и не заметил. Обойдя все забой и осмотрев пути, Тимченко замкнул кривую, по которой он двигался, и оказался у конечной цели — у маленькой будочки строителя. Там его ждала горничная и дорожный мастер и механик повар, утренней смены. Эти ступки были когда-то великоименной школой для Анатолия, когда сам он был бригадиром, а затем мастером; и теперь его помощников, как когда-то его самого, удивляли глаза начальника, глаза, всё видящие, всё подмечающие.

...У вас, Тришин, — обращается Тимченко к одному из мастеров, — подымь у стралки вежик. Пока реально не уложили, исправьте.

— Да что вы, Анатолий Карпович!

— А ну, пойдёмте все вместе посмотрим, — говорит Анатолий. Тимченко показывает забой.

«А сейчас давай вода!» — и задача для всех — как в толще земли найти эту сухую грань, как сделать, чтобы не затронуть подпочвенных вод. А оказывается, что где-то надо находить место и выводить воду наружу...

...Сам-то откуда всё знает Тимченко, сын потомственных краснодеревщиков из Киева? Во всяком случае, после госпитализации сюда, и теперь Еманжельские копи стали его второй родиной. Поблизости ему край озёр, перелесков и степей, где месячная можно ходить с двухстволькой за плечами и всегда полным грядатем: бродить в камышовых джунглях или по твёрдому снежному насту, свешиваясь под лёгкими ветрами, среди одетых в охоту молодых берёзок, все зимы сохраняющих анюта. Похорил Анатолия, любящая ему край новых пластов, новых шахт, новых городов. Здесь он окончил техникум, здесь женился, сюда теперь приезжает погостить из Киева отец-краснодеревщик.

Группа мастеров во главе Тимченко подготавливает стралку, измеряет подмы, и, конечно, прав оказывается Тимченко. Начальник участка объясняет свои приметы и расчёты...

Каждый день, каждую смену повторяются эти обходы — занятия с мастерами.

— Анатолий Карпович, откуда ты всё берёшь? — спрашивает Анатолий Тришин у молодого комсомолец.

— Откуда? У тебя. То бы техникуму, то начальнику разреза учит, книги... И потом, я ведь, ребята, здесь на разрезе скоро десять лет... Двадцать восьмой мне год. Жизнь, она учит...

Откуда-то сверху донёсся голос:

«Эге-эге! Тим-ченко-о!».

Над группой на верхушке горизонта стоял человек и, сложив рупором руки, что-то кричал. Из доносившихся слов и по жестам Тимченко понял, что в один из забоев прорвалась вода. Послав механика за насосами, дорожного мастера за рабочими, а горного мастера Анатолия Тришина оставив для связи в будке строителя, где была телефон, Тимченко направила шапку, заступила ватник и пошел на почти отвесную стену. Он поднимался быстро, хотя камни и порода бесперывно осыпались и ноги соскальзывали. Через несколько минут Тимченко был наверху. Будто оно было, как его долговязая фигура вымахнула руками, видно оттолкнувшись крыльями, и исчезла за бортом.

Вечером в той же клубной строилнице Тимченко разговаривал с мастерами вечерней смены. Левая рука Анатолия была перевязана бинтом, край рукава порван.

— Что это? — спросил кто-то из мастеров о руке.

— Зацепил гас-то. Сегодня горнично пришлось. Думаю, не миновать простоя, а экскаватор ни минуты не стою. Мы как загорюнда — и давай выкапывать, а машина вперёд пошла и метра на два выше стала. Вода и ве страшна... Вы воду в дренажную канаву отведете. Когда в забое сухо было! — распорядился Тимченко.

...
...Анатолий любит водить машину быстро. Вечером он мчитсь по новому шоссе, соединяющему Батурицкую с центром города... Голова ещё полна дневных забот, но уже одна за другой возникают мысли о Еманжельске, о новых домах, ведь он, Тимченко, — депутат, член исполкома горсовета.

— Стой, Тимченко, стой! — На дороге стоит Анатолий Тришин, горный мастер участка. — В город? Я и тобой. Зазнобушку проведёте.

— У тебя же здесь была зазнобушка.

— А теперь там. Пока холостой, только и гуляя.

— А завтра ещё новая? — спросил Анатолий.

— А послезавтра ещё новая! — подтвердил Тришин. — Пока молодой.

... Ты, молодой! — перебил его Тимченко и, чуть притормозив, обернулся к нему. — Вот скажи мне лучше: что видел много рублёв, может по ним представить себе море? А?

— По рублёв-то — море? — Тришин задумался. — Нет, не представит Море, оно...

... Смотри и ты, Тришин, как бы в мелких ручейках настоящего льдона не улупста.

Тришин даже закашлялся. Достал папиросы, закурил. Спросил нарочито спокойно:

— Один, что ли, думаа?

— Не один, в народе говорят... — И, вспомнив что-то, продолжал: — Я, Толя, знаешь, к Насте по шестидесяти километров в сутки ходил. В субботу после смены выйдю — всю ночь иду. Принесу, бываю, утром утку, а то две; я всегда с ружьём ходил. А вечером обратно, опять всю ночь иду и прямо в разрез. Я, Толя, свою Настю...

— Да, так! — проговорил задумчиво Тришин, — у тебя, видно, охота, а у меня... Да останови ты свою машину! — Он рванул ручку и, распахнув дверцу, почти на ходу выскочил на шоссе.

Закатное солнце стояло совсем низко, когда Анатолий поднялся к центру города. У новых домов, на Ассас, выдвинулись высокие. Рядом красил дом зелёной краской.

Анатолий Тимченко остановил машину:

— Эй, дядя! Тебе что велах так красить?

— А тебе как требуется, памятник?

— Как? Чтобы один колер был на улице, а то сморти... — Да вот ведь и я так говорю начальнику склада! — Старший маляр, молодой парень с комсомольским значком на ватнике, смутился по асестине и подошёл к машине. — А он, шут его знает. «Бери, — говорит, — эту краску, другой нет». Я так думаю, но по всему городу нужно издать такие постановления, чтобы не портили разной краской ансамбль. У нас, сморти, какие дома! А краска...

...Будет и такое постановление исполкома горсовета Еманжельска. Даже обязательно будет!

Город Еманжельск! В прошлом году он появился на карте Советского Союза, и лишь только в начале весны разместился в нём горское предприятие. С весны до осени построено несколько новых улиц, проведён водопровод, разбиты новые скверы и бульвары. Было исполкомом работы! И не только ему. В каждом городе нового города пробудилось новое чувство, чувство гордости, чувство любви к своему маленькому, на глазах выросшему и покоряющему Еманжельску.

И чувство любви и ответственности заставило нынче приехать в Анатолия Тимченко к председателю горсовета Николаю Ивановичу Ваганову поговорить о просьбе Евсеича, старого кондуктора.

— Надо нам, Николай Иванович, — говорит председатель Тимченко, — обсудить и мнение исполкома сообщить в Москву, в комитет по делам строительства, пусть изменит проекты. Вот их номера.

Новый город подает свой голос. Голос его день ото дня крепчает; с шумом льются потоки угля из бункеров; звонкими голосами напоминаются звалы Дворца культуры...

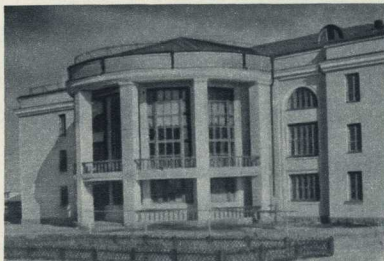
...У одного говорилось в этот вечер в кабинете председателя горсовета: говорилось об автобусах, водной станции и стадионе, детских яслях, ещё одной школе, новом парке и о летнем театре на 500 мест... Всеми, всему нужен глаз хозяина!

...Уже поздно вечером, дома, берётся с полки маленькая книжечка в белом переплёте с заглавной буквой страницей: на жёлтом фоне останавлива! «Вопрос о законе стоимости при социализме».

— Толя, тебе радио не мешает? А то «Пиковую даму» передают...

— Потихонько можно, Настя!

...Вот и закончился один простой день Анатолия Тимченко, молодого комсомольца, молодого члена Коммунистической партии Советского Союза.

Дворец культуры

Всякой нынешнего года открылся Дворец культуры имени А. С. Пушкина этого времени он стал главным культурным центром нашего города, хотя, кроме Дворца, на предприятиях проводится работа в четырёх клубах, семи библиотках и во многих красных уголках. Наш Дворец культуры — новое свидетельство заботливости, записанных в Сталинской Конституции.

ПРАВО НА СЧАСТЬЕ

Третьи сутки идёт наш поезд. Далеко позади, за тысячу километров, остались шуметь в подмосковных лесах осенние дожди. Мелькающие составы товарняков уже несут нам навстречу белый уральский снег. А земля всё плывёт и плывёт за окном вагона, и, кажется, нет ей конца и края. Тучи, гонимые ветром, спешат на запад, и от них по изломам гор скользят мягкие тени. Временами сквозь разрывы туч проступает холодноватый хрусталь неба, и тогда на дальних хребтиках вспыхивают и горят золотые гребешки уральских лесов.

В дальней дороге как-то особенно, всем сердцем, чувствуется безбрежность нашей великой Родины. Сейчас она обступает нас горами и тяжёлыми шубами лесов, а то вдруг раскинет по сторонам свои просторы с высокими дымами заводов, с терриконами шхат и бескрайними полями в осколках синих-синих озёр.

— Родная земля! Моя земля! — говорит каждый из нас. И, проносись по уральским просторам, мы думаем о жизни, о счастье. Мы можем сойти сейчас на любой станция, загнать в любой дом, и нас встретят как родных, будут называть товарищами...

Наконец перед нами молодой шахтёрский город, рождённый всего лишь год назад. Мы открываем дверь горкома комсомола и говорим:

— Добрый день!

Девушка встаёт навстречу, улыбается и отвечает на наше приветствие:

— Здравствуйте, товарищи!

И я уже знаю, что мой рассказ будет о ней.

У неё круглое лицо старшеклассницы, короткие, вздёрнутый нос и светлые соседоточенные глаза.

— Кузнецова, из комсомола! — говорит она в телефонную трубку. — Попросите, пожалуйста, Шакурову... Галия? Куда вы уходите из ЦЭММ?

Пока в красном уголке собирались ребята, Зоя успела уже начать партию в шахматы с парнем в такой же, как и у неё, форменной куртке студента горнопромышленного техникума.

На 18-бисовую? — Каштановые брови чуть-чуть сдвигаются, становятся жестковатыми. Между ними ложится и тоненько вздрагивает упрямая складка. Лицо кажется строже, решительней. К такому лицу очень идёт чёрная форменка с синей окантовкой на рукавах и петлицах, с бронзовыми, до блеска начищенными пуговицами. — Ведь мы вас растят думаем, Галия! — говорит Кузнецова. — Приказ? — спрашивает она, строже сдвигая брови. — Это хорошо, что ещё не подписан. А вы сами? Хотите остаться? Вот и оставайтесь, работайте. А с начальством решать будем мы. И не позволим браться комсомольскими карами! Что? Это решим на месте. Завтра будем у нас. — «Растить», «кешать», — честное слово, отдельные слова, — говорю и вслух. Девушка всхлинула, улыбнулась и посмотрела на меня внимательными глазами, нет ли

здесь какого-либо подвоха. Но, убедившись, что нет, отетила:

— Да, слова неплохие...

Открылась дверь — и на пороге появился невисокий парень в громоздком брезентовом костюме и резиновых сапогах.

— Здравствуйте, Зоя! — сказал он, не решаясь войти.

— А, Ваня! Проходи, пожалуйста, — весело отозвалась Кузнецова. Парень замаялся, показывая на сапоги, на костюм: грязь, мол, наверху. — Нет, ты уж не прилаживайся у вешалки, давай сюда, к столу, — потребовала секретарь горкома.

И Ваня, гремя брезентовой спешковой, двинулся вглубь комнаты и присел у стола на краешке стула.

Свяжет Ваня Маркин — член городского комитета комсомола — сегодня должен присутствовать

Коллективы художественной самодеятельности ещё молоды, хотя концерты дано уже немало как в самом Дворце, так и на шахтах города. Из всех коллективов — народных инструментов, хореографического и других — мы создали концертные бригады, которые обслуживают наибольшее количество концертов в шахтах.

На снимке: концерт хорошего коллектива под руководством нашего молодого педагога комсомолки Зины Филоновой.

На этом снимке вы видите один из моментов репетиции драматического коллектива. Мы сейчас готовим пьесу А. Островского «Свои люди — сочтёсь».

Совместно с драматическим коллективом все участники самодеятельности готовят тематические концерты, посвящённые знаменательным датам, и ряд концертов-лекций.

Художественный руководитель Дворца культуры В. ЛЕОНТЬЕВА

Знатный кузнец Харьковского тракторного завода
В. А. Прохоренко и инженер-конструктор В. И. Каштанов.

Ю. Сиротенко
Харьковский художественный институт

Молодые строители высотных зданий (Москва).

Фото Г. Борисова

Константин МУРЗИДИ

Одной дорогой

Рассказ

Экскаватор стоял в забое — в глубоком глинистом карьере, ловко захватывая грунт ковшем, плавно поворачивался, опускала ковш и открывала его днище над кузовом самосвала. На это уходило двадцать шесть секунд.

«Двое меньше, чем мы рассчитывали», — подумала Алексей Сергеевич Цветков, глядя на часы. Он вспоминал Урал, прославивший завод, товарищера по конструкторскому бюро и, тронув проруба за рукав, спросил:

— Хорош «Уралец»?

— Легко работает, — ответила проруб, пожимая человек с бурным от загара худым лицом. — Такой машиной шутя управлять можно.

Это похвалил Алексея Сергеевича.

Он был одним из конструкторов экскаватора и приехал на стройку посмотреть, как работает машина с лопами, увеличенным ковшем. Ковш был увеличен по предложению экскаваторщиков. Теперь почти все машины на стройке были снабжены такими ковшами и работали очень хорошо. За три дня Цветков убедился в этом.

— Да, — сказала Алексей Сергеевич, — машинист — настоящий мастер. Как его фамилия?

— Панов. Молодой парнишка. Это у нас комсомольский экипаж на экскаваторе.

Конструктор и машинист экскаватора лежали под клееновыми пальным кустом на пригорке у шоссе/ной дороги, по которой возили грунт на перемычку. Закуривая, Петя Панов смотрел на сожженное солнцем продолговатое лицо Алексея Сергеевича. Он заметил в самых глаз тонкие белые лучики морщинок и подумал: «Солнце не достало, не успело спалиться...»

— Молодцы любите технику, — проговорил он. — Любит, но не преклоняется перед ней. А даже старается улучшить, подправить, где требуется.

Глядя на вписские открытое, смуглое лицо Панова, Алексей Сергеевич почему-то вспоминал 1931 год, платинный городок у подножья горы Магнитной, вспоминал номер журнала «СССР на стройке» с портретом землекопа во всю обложку.

Это время для Панова, видимо, было отдаленной эпохой. Его тогда, наверно, и на свете не было. А на взгляд Алексея Сергеевича, с тех пор прошло не так много — всего лишь двадцать один год. А можно ли встретить теперь в журнале портрет землекопа? Нет, его заменил портрет машиниста экскаватора, багетмейстера земснарядов. А молодежь, видите ли, не очарована техникой!

— Весьма любопытно! — произнес Цветков, глядя в чѣрные, без омылка глаза Панова.

— Правда, — улыбнулся Панов. — Ваш экскаватор, к примеру, — добрая машина. А вот комсомольцы думают, как бы её усовершенствовать.

Конструктор пожал плечами.

— По крайней мере, до сих пор о нашей машине говорили только хорошее. Сколько писем мы получаем! И каких писем! Позавидовать можно.

— Верю, — спокойно продолжал машинист. — Но возьмите такое дело. Тяжеловат экскаватор. Сами подумайте: его шестьдесят пять тонн! Многовато, особенно в наших условиях.

— Совершенно справедливо, — кивнула Алексей Сергеевич. — С этим нельзя не согласиться. О весе мы тоже думали. И ваши слова лишний раз подтверждают, что работу в этом направлении следует продолжать. Кстати сказать, это общий недостаток. Многие машины требуют облегчения. Но в остальном, думаю мне, механизм в совершенном порядке, особенно теперь, после увеличения ковша.

— Не совсем, — отозвался Панов. — Взять хотя бы тот же ковш. Емкость у него теперь хороша. А один дефект остался. Открыл — и всё сразу в самосвал! А если бы так было: сколько захотел, столько из него и высыпал. Надо — ковш, надо — половину, а то и четверть.

— Вот как! — усмехнулся конструктор и заметил в чѣрных глазах Панова огонек. — И что же вы? Изобрели что-нибудь?

— Ребята из регуляторного работают. Мой дружок Соколов за это крепко хватался. Это ему я смену дал.

Цветков прислушался к отдаленному грохоту экскаватора и, угадывая по напряжению звука положение стрелы и ковша, подумал: «Да, конечно... от счастья работать на такой машине молодая голова может легко вертеться!»

— Ну и ещё кое-что сделать, если хорошенько подумать, — настоятельно продолжал машинист.

— Можете ли, — проговорил Алексей Сергеевич.

Ему хотелось рассказать, сколько труда, сколько творческих сил отдал он машине. Однажды трое суток не выходил из конструкторского бюро. Об этом писали в газете. Да он просидел бы ещё трое, если бы понадобилось. А этот мальчишка... Ведь прислушался же к замечаниям экскаваторщиков — сделал обыкновенный ковш. Казаюсь бы, всё! Нет! Им, видите ли, регулятор нужен!

Последнее время Алексей Сергеевич переживал такое состояние, когда творческому человеку кажется, что он сделал уже всё возможное, что пока сделать лучше нельзя. У одного это состояние дается день, у другого — год. У Алексея Сергеевича оно тоже затнулось. Он был горд успехом... и вдруг этот Панов! Ему было обидно, что такие люди, как Панов, люди молодые, только вступающие в жизнь, которые, казалось, должны были с

благодарностью принимать всё, что сделано старшим поколением, вдруг начинают показывать свою самостоятельность, своё мальчишеское упрямство.

«Изучите сначала, а потом совершенствуйте!» — сердито подумал Цветков.

...

Из карьера Алексей Сергеевич возвращался один. Он шёл берегом Волиги, в тени огромных, раскидистых яв, едва заметной тропинкой. Иногда он терял её в каменистом овраге, с бесконечным разливом вдали старой коряжки, болел, что придётся возвращаться обратно, и с радостью находил её на травянистом взгорке. Под кустом можжевельника Алексей Сергеевич сорвал несколько ландышей и продел их в петлицу пиджака. Он заметил издали металлургскую тропинку и, подойдя ближе, увидел в овраге у самого берега буровую установку. Мотор её торжественно вращался, издавая громкий гул, обогатил в реку. В галитной стене оврага было заметно отверстие, надобное входа в пещеру, занавешенное брезентом. Тропинка далеко обходила буровой станок, но Алексей Сергеевич решил пройти прямо. Когда он спустился в овраг, брезент словно ветром откинуло; выглянула седой старик с трубой в зубах и внимательно, но очень дружелюбно посмотрел на прохожего.

Миновав овраг, Алексей Сергеевич увидел далеко впереди девушку в голубом прозрачном дождевнике. Голубое пятнышко ярко, весело мелькало среди зелени ив. Цветков прибавил шагу. Теперь он уже разглядел каштановые волосы и красивые босоножки. Девушка шла медленно, и ему не оставалось большого труда вскоре поровняться с ней. После встречи с Пановым ему было не по себе. Хотелось поговорить с кем-нибудь.

— Извините, — дружески улыбаясь, проговорил Алексей Сергеевич. — Здесь не часто встречается землянок. Возможно, и вы с Ураля?

— Ураля! — удивленно ответила девушка. — Я из горного института. На практике здесь.

Её тонкое лицо с карими глазами, высоким лбом, едва заметными золотинками веснушек на розовых щеках было красивым.

— Так это ваша буровая в овраге?

— Наша. Исследуем почву.

Алексей Сергеевич поинтересовался, как идёт работа, всё ли в порядке, и узнал, что буровой мастер недоволен станком, говорит, устарел.

— Я, кажется, видел его, вашего мастера. Такой, знаете, с трубкой... пещерный житель!

— Покая от него нет, от этого «пещерного жителя». А что я, практикантка, могу сделать?

Алексей Сергеевич задумался. С минуту они шли молча. А потом он рассказал и о своём огорчении. Услышав имя Панова, девушка чуть приметно улыбнулась.

— Претензии к такой машине?! — с весёлым удивлением заговорила она. — Я видела, как работает ваш «Ураля»!

Она вскинула голову, вспоминая что-то, и лицо её стало ещё красивее.

— Как вас зовут? — неожиданно спросил Алексей Сергеевич. Её звали Александрой Николаевной, а проще — Сашей.

Цветков назвал своё имя.

Показав на палатки, большие изданы в основной роще, Саша сказала:

— Я здесь живу. Тут много студентов. Мы часто играем в волейбол по вечерам. Заходите. — Она посмотрела на Алексея Сергеевича снизу вверх и улыбнулась: — Заранее принимаю вас в свою команду! — и протянула руку.

— А знаете, насчёт вашего станка советуем вам написать рапорт начальству. Может, научит дело!

— А выши записки? Мальчишки!

— Это несколько иное, — ответила Цветков перенитьтельно.

...

Поднимаясь по узкой скрипящей лестнице, Алексей Сергеевич думал о Саше. Было приятно знать, что есть теперь с кем побороть по берегу Волиги, побороть. Не всё же рассуждать об экскаваторах, конструкторских кубометрах земли. Иногда хочется отвлечься...

Но едва он вспомнил о Панове, как снова им овладело раздражение. «Строптивые мальчишки. Не больше. Надо их несколько охладить».

С этой мыслью он вошёл в кабинет начальника участка. Начальник сидел за столом и разбирал бумаги. Это был мужчина, можно сказать, огромный. Со стороны казалась, что работать ему за обычным письменным столом и неважно и неприятно. Однако сам он не чувствовал неудобств. Крупные черты его стареющего лица, тёмные большие глаза выражали добродушие.

— Товарищ Цветков! Ну что? Довольны кошмов? — князястрижной головой, спросил он.

— Кошмов доволен, Михаил Петрович.

— А чем недоволен? Выкладывает!

Михаил Петрович похлопал руку на стол, закрыл ладонью добрый лист бумаги. Цветков невольно сдвинул брови. Он всё ещё не мог привыкнуть к этому огромному человеку. Чуть отодвинувшись от стола, он начал рассказывать.

Выслушав конструктора, начальник участка улыбнулся:

— Значит, не поправилось?

— Вы меня не поняли!

Цветков заговорил о Машинке, о первой пятилетке, о портрете земляка в журнале...

— Помните? Вам этого не забыть! А они... Им пока нечего вспоминать, не с чем сравнить.

Начальник участка не успел ответить: раздался телефонный звонок. Михаила Петровича подняла трубка.

— Где просят? На шестом, у Соколова? Ничего не знаю. А что там такое? Машинка провалилась? Эх, чёрт!

Начальник участка опустил трубку.

— У Соколова? — спросил Алексей Сергеевич и не удержался от усмешки: — У того, что регулятор изобретает?

Михаил Петрович быстро поднялся. Стол закричал под его руками.

— Ладно, потом посмеёмся. Поедем-ка лучше к ребятам.

Выходя из кабинета, Алексей Сергеевич пожалел, что в карьере не будет Панова. Вот с кем он хотел бы встретиться в эту минуту!

...

Выпрыгнув из «газика», Алексей Сергеевич очень удивился: первым, кого он увидел, был Панов.

— Что, дорогой? — улыбнулся Цветков.

— А то, что тяжёлая машина для наших условий. Вот и завалился в глыну зарукал!

— Тяжко не сразу облетчишь, — ответил конструктор. — Это ведь целая завод, хотя бы по тому, сколько она потребляет энергии. А вы хотите её в спичечный коробок превратить.

Вслед за Михаилом Петровичем он подошёл к группе людей, стоявших у экскаватора, увидел прораба, маленького, худощавого машиниста Соколова, рабочих-нижников, называвшихся так потому, что они работали внизу, обслуживая экскаватор, — тиняли кабели, чистили тусовки.

Вязкая глина, мутные лужи, помятые брёвна, накренившийся набок «Ураля» — всё это производило неприятное впечатление.

На вопрос Михаила Петровича, какие приняты меры, прораб ответил, что уже послано за бульдозером, и махнул в сторону леса.

— Ну, что скажете? — обратился к Михаилу Петровичу Цветков.

Начальник участка не ответил. Он стал обходить экскаватор, наклоняясь, иногда присаживаясь на корточки, чтобы лучше разглядеть, какое положение занимал машинист. Панов и прораб вылаживали из-за его плеча. Соколов, явно испуганный, держался в стороне.

Осмотрев экскаватор, Михаил Петрович убедился, что поставить его в позицию можно за час. Он одобрил решение прораба послать за бульдозером, приказав вызвать трактор, подошёл по плечу Панова, который молча ожидал осуждения, сказал ему сочувственно: «Бригадир!» — и пошёл глазами Соколова. Машинист прятался за других. Это показало начальнику участка немного смешным, и он, зная, что ругать парнишку в эту минуту попросту бесполезно, спросил:

— Ну, как регулятор?

Михаил Петрович хотел отвлечь Соколова от того, что случилось, хотел подбодрить его. Но экскаваторщику показалось, что,

заговорил о регуляторе именно теперь, начальник участка решил поспешить, и покрасна, горестно маша рукой.

Михаил Петрович, огромный, выжи Цеткова почти на дваду голову, шагнул к конструктору:

— Вот вы говорили сегодня про Матинку, вспомнил про землекопа. Вспоминаю и я одного. Зорювину был переносчик меня, а может, и побольше. Ну, богатырь! Рост — два метра. За дваду бригаду один работал. Не верите? Я вам больше скажу: для него специально инструмент готовили — лом, кирку, лопату, тачку — всё по росту! Впитеро больше, чем у других. Вывало, на спор шёл. Возьмёт такой же участок, как вся бригада, и давай на полную лопату отваливать. Однажды, помню, пришлось лёд склюпнуть.

рето на обложке покажу... Двадцать лет прошло, а всё-таки узнать можно. Ага! Вот он, бульдозер!

В полутьме блеснула желтоватый луч, осветил залу, неуловжко поворачивались экскаватор и кучку людей, среди которых даже издалека нетрудно было узнать начальника участка.

В одиннадцатом часу вечера Алексей Сергеевич и Петя Панов возвращались в городок березом реки. Конструктор отказался ехать в «тачку». Хотелась поговорить с бригадиром.

— Повместе меня привалило, — сказал он, поглядывая на мерцающую под луной Волгу, — Разве я против того, чтобы кто-то вмешивался в мои дела? Ни в моей мере! Я лишь думаю: а не забыл ли товарищ, который хочет всё изменить и всё переделать, не забыл ли он, сколько в мишину труда вложено? Не кажется ли ему всё слишком простым? Я боюсь этого. Если бы, поверьте...

— Это вы напрасно, — медленно проговорил Панов. — Мы же управляем этим экскаватором! Вы для нас его сделали, Алексей Сергеевич! Или вы про это забыли? Да знаете, что я вам скажу? Видам Соколову! Испугались, правду! Думаете, за себя? За машину? Вы, наверно, и не знаете того, что весной, когда перекосил из одного забоя в другой, этот самый Соколов провёл «Уральца» под высоковольтной линией. Хотели отключить ток, а он говорит: «Не надо. Зачем, — говорит, — работу на стройке останавливать? И так проведу.» А это ему жизни могло стоить.

На Волгу съездов всплески волн слышались рокотание моторной «Волы», слышались и не слыте это, что весной, когда перекосил волн. Вскоре показались и моторка. Она тинула на буксире несколько древесных стволов, раскачивая волну за волной.

— Ледоходом в верховьях шибло, — пояснил Панов, указывая на стволы. — Между прочим, как вам здесь нравится, Алексей Сергеевич?

— Очень! А вам?

— Я ведь местный, волгарь. На строительстве старожил, можно сказать. Здесь уже два года живу.

— Не скучаете?

— Невогда. Да и товарищей много. Правда, лучший друг на том берегу, где выложен под электростанцию роют. Рядом выдмисим. Мы с ним на стройку вместе поступали, работали на разных берегах: я на левом, он на правом... Скоро техническая конференция должны встретиться. Непременно чем-нибудь удивим друг друга. Например, мы — регулятором! — И Панов засмеялся, глянув на Алексея Сергеевича, но тот даже не улыбнулся. — Да, редко видимся. Вот когда соорудят платину через Волгу, проложат по ней железную дорогу, тогда уж! Вроде как друг друг другу противнее с этого берега на тот. Хороший паренё!

— Вы ещё не женаты?

— Не успел!

— На берегу у самой воды сидят двое мужчин. В одном Алексей Сергеевич сразу же узнал «пошерного человека».

— Был я у неё сегодня, у Александры Николаевны. Села рапорт писать. Ила я доня, ила кто посоветовал... Поблизивая трубочкой о колено, говорила буровой мастер своему собеседнику. Часовая вспоминала Сашеньку, хотел рассказать о ней Панову, но промолчал.

— В институт собираюсь на будущий год, — почему-то сказал Панов и задумался.

Они свернули с берега на шоссе, вошли в лес. Пустынная дорога, уходя на подьём, белела в свете полной луны. Вдур из лесной чащи выбежали, как показались Алексею Сергеевичу, два херкевича.

— Постойте! — схватил его руку Панов. — Это соли! Молодец... Конструктор и машинист остановились, замесил. Асси, прислушавшись, повернулись к ним головами, помедлили, нетерпеливо перебежали дорогу.

— Панов! — сказал Панов. — Тут лоси вместе с козлогоним коровами, бывало, ходили. Я ведь из пастухов, Алексей Сергеевич. Помню, Ассина разродилась, асжит под ней лосюнок, а она не отходит, вроде ждёт чего-то. Гляжу, черт какое-то время поднимал лосюнок. Тогда она шагнула, и он, телюнок, на тонких ножках шагнул. Так и повела она его, Иттереню!

Алексей Сергеевич молча посмотрел на Павлова. Машинист продолжал рассказывать, идя рядом с конструктором. Он вспоминал о том, как лоси однажды переплывали Волгу, загнорива о реке, о лесной чаще, мимо которой они шли, о лунае, которая давно не была такой волной и красивой.

— Покажу, — Панов взглянул на конструктора благодарным взглядом. — Мы и сами понимаем: без вашей помощи не обойтись.

Они подошли.

По левую сторону дороги лес постепенно перешёл в кустарник, за которым открывалась широкая равнина. Зато справа попрже-нему была сосновая роща. В ней забелели платки.

— Тут студенты живут, — сказал Панов мечтательно. — Почти каждый вечер в волейбол перебарываемся.

Хотите, я позвоню вам? — неожиданно проговорил Цетков и поглядывал о том, что была сразу же возмущен Панов в спок команду, хотя он и незвидимого роста, возьмёт с большой охотой, чем его самого. И, тронув машиниста за руку, весело сказал: — Непременно позвоню!

— А я тут бываю, — проговорил Панов с лёгким смущением.

амывать на большой площади. Богатырь наш и говорит: «А ну-ка, поехали поехали. Сколько вас? Двадцать? А я один пойду. Идём!» Посмеялся бригада и приняла вызов. Схватил он свой лом и давай вокруг себя лёд молотить. А потом взял канат, зачала несколько глыб и потянул — сразу четверть площадки очистил. В общем справились рыншо бригады. Такое дело... Портреты его по всей стройке висели. Гордился человек. Но нельзя сказать, чтобы завидовал. Нет, меру знал. Ну, само время, стали на стройку экскаваторы прибывать, потеснили малость землекопов. И выносит партбюро решение передовиков строительства — на курсы по овладению техникой! Предложили и нашему богатырю идти учиться на машиниста экскаватора. Прямая дорога землекопу! Верно ведь? Ухватился должен. А он, представляя себя: «Не хочу!» Не понял его сначала: «Как — не хочу?» Думала, пошутил. А он свой: «Не хочу. Поеду, — говорит, — на новое строительство, где масштаб только ещё разворачивается и землекопы вот как нужны.» «Да в чём дело?» — спрашивает. Замолчал, мнётся, краснеет. Ну, всё-таки добился ответа. «Потерялся, — говорит. — Так и человек человеком, работая, все видит. А тут что? Кнопку нажимаю! Никакого тебе почёта и уважения. Никто и не замечает.» Смешно было и в то же время обидно за человека. И ушёл... Такой нам, наверно, больше бы по вкусу пришёлся, Алексей Сергеевич!

— Такой? Что вы! Он попросту игнорировал технику, насколько и вас понал.

— Плохо слушали, — сказала Михаил Петрович. — Он ведь думал, что овладеет экскаватором — только кнопку нажимать. Никакого творчества. А фактически поразмыслил надо, оглядеться вокруг, что-нибудь и от себя прибавить.

— Напрасно вы так меня понимаете, — обиделся Алексей Сергеевич.

— А вы, Михаил Петрович, тогда где работаете? — улыбнулся Панов. — С этим богатырем не соревновались?

— А что с ним потом стало? — подвинул Соколов, подвигаясь поближе. — Где он теперь, не знаете?

— Знаю. Начальником участка на одной стройке работает. Догадываетесь?

— Так это вы про себя?

— Про бывшего себя! — засмеялся Михаил Петрович и сказал Цеткову: — В следующий раз и вам и тот старый журнал с порт-

Раскраска по фарфору — любимое дело комсомолки Майи Фриш. Девушка вкладывает в него всё своё умение. Работать прилежно, вдумчиво научили её в художественном ремесленном училище № 38. Сейчас Майя — стажанова ордена Трудового Красного Знамени завода имени Дзержинского в Ленинграде.

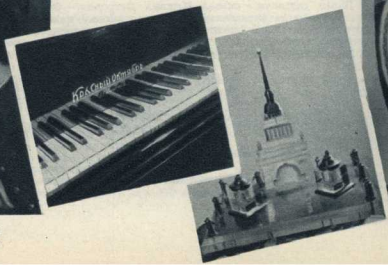

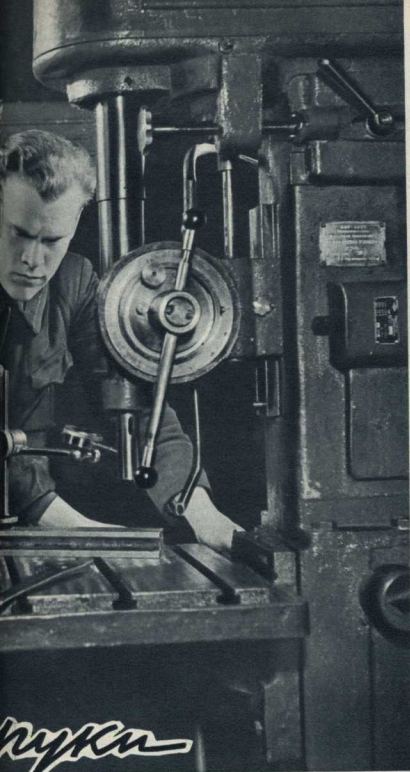
Золотые

— Учитесь на отлично! — говорит лауреат Сталинской премии Николай Российский учащимся ремесленных и железнодорожных училищ и школ ФЗО.

Изящен, привлекателен письменный прибор. Любимо отшлифована каждая грань его фигур, каждая деталь. Такой прибор — прекрасное украшение письменного стола. С не меньшим мастерством расписаны вазы, подолки, сделаны ручные инструменты: штангенциркуль, напильники, ключи... Всё это — дело «золотых рук». Так называют ремесленников — молодых мастеров. Ежегодно тысячи девочек и мальчиков идут в ремесленные училища. Их влечёт сюда светлое желание — овладеть удивительными специальностями.

руки

В торжозном кабинете идут занятия. Юра Болотов внимательно слушает преподавателя. Окончив Ленинградское железнодорожное училище № 1, он станет помощником машиниста.

Страна заботливо предоставляет им оборудованные самой новейшей техникой мастерские. Их обучают лучшие преподаватели и знатные мастера производства. Для будущих специалистов созданы уютные общешкольные, столовые, клубы. Получив прочные знания и навыки, молодежь идет на фабрики и заводы, на промышленные предприятия и стройки. Она вливается в рабочие коллективы живой струей молодого поколения. Перед ней открываются широкие пути творческого, созидательного мирного труда.

Фотоочерк Я. Халипа

Чистая, просторная столовая в Ленинградском ремесленном училище № 38. Здесь приятно пообедать во время перерыва.

Утром Тамара Пухова уме вывешивает «Молнию» на дверях правления колхоза.
— О ком же это? — спрашивает колхозница Римма Тимофеева.

Фото М. Кухтарёва

Л. ОБУХОВА

НОВОЕ ЧЕГАНОВО

За окнами было снег, как будто на стёклах висели шестую бумагу. Невесело проступали берёзы в снежной бахроме. С печи веяло теплом, звонко и равномерно стучали ходики, и картинку на них ещё трудно было разглядеть.

Тамара поспешно прошла боком к двери и сблужку выключателем. В тишине звук показался ей сухим и громким. Но Нина Алексеевна, пионерожатая, только вздохнула и не проснулась.

«Ну, и очень хорошо,— подумала без зависти Тамара,— ей можно — так и спит, а мне некогда».

Она нагнула цветастый халатик с короткими рукавами, расстелила на полу лист бумаги, обматывая кисточку и вывела красными большими буквами: «Молния». Слово оканчивалось острым зигзагом, который шёл вдоль листа. Тамара задумалась: вчера Василий Фёдорович Смирнов, председатель колхоза, напомнил, что в первой бригаде очень хорошие дела с молотью и надо, чтобы это поскорей ушло в колхоз.

Легкие листки «Молнии» давно стали привычными и необходимыми в колхозе. Стенная газета создавалась туговато, больше к праздникам, она не поспевала за событиями, а «Молния» появлялась часто.

Тамара Пухова, заведующая сельским клубом, задумалась: как ей показать передовиков молотью? Кроме того ей вспомнился разговор на недавнем комсомольском собрании о парфёвских ковахед, не по-хозяйски они нахлестывали лошадей, видимо, выезжая позже срока. Надо их поурать.

Пока она искала в годовом комплекте «Крокодила» подходящую заёмную лошадку — какня и не бывало в Чегановском колхозе! — чтобы перерисовать на «Молнию» в виде наглядки и для большего стыда пырьшевцам, буквы на листке распылились, попяляя в раз-

ные стороны и потеряли свой строгий вид. Доски охватыва Тагару.

— Ну вот! Сам говорит: тех продёржи, этих не забудь, а ведь бумагу не даст! И материю для лозугов к празднику который раз стираем,— припомнила она свои обиды,— давно уже цвет потеряла, а гости будут из района. Вель стыдно. Вель миллионер.

Последнее слово отнеслось уже не к прижизниному председателю, а ко всему Чегановскому колхозу, который действительно в год собирал миллионные доходы. Слава колхоза имени XVII партсъезда разнеслась далеко за пределы Ивановской области; сюда приезжали иностранные делегации крестьян, а когда они отсюда отправлялись по Союзу перенять опыт у передовых колхозов, то редко встречались им что-нибудь, чего бы не было уже в Чеганове.

Птичница Маруся, тоже вернувшись из такой поездки, только руками развела: и чего, мол, там в Подмоскovie хвалятся, птицеферма-то у нас получше оборудована!

Птицеферму в Чеганове построили новую, со множеством отделений. На цементном полу чисто, как будто только что подмели.

Только Маруся войдёт, как со всех сторон ей навстречу летят стаи белых летягоров, сухой метелью крутятся пёрышки.

— Гулять, гулять! — протяжно покрикивает Маруся и, черная ведром из деревянного свеструтанного лая шуршащая оёс, выходит за ограду...

Тамара вчера была на птичнике. Она возвращалась из правления, где председатель должен был дать ей список лучших людей колхоза для Доски почёта, которую Тамара заочно оформляла к празднику.

Прождала она доску. У Василия Фёдоровича толпился народ, беспрерывно звонили из бригад.

Вокруг дуэнтанного здания конторы на обшарпанном пестром гулаи астер. Здесь будет со временем площадь под нового Чеганова, план которого висит у Василия Фёдоровича в кабинете. Пока выстроены только контора, дуэнтаный нарядный домик для учителей да два многооконных добротных дома с голубыми узорными панночками — трактостру Таифеу и колхозному пастуху Тимофееву с его многочисленной семьёй.

Зато уже на новом месте воздигт за два года Василий Фёдорович каменный гараж, ошохраняница, сортпоровное отделение, механизированную зерношуклу, пилораму, от которой дельны димы во все стороны раздался весёлый и звонкий визг электрики, птичника, молочно-товариую ферму, конный двор, откуда по утрам разрезжались поводы на поле.

И хотя — было дело! — пенали Василию Фёдоровичу, что он, мол, за хозяйством забывает людей, но председатель был твёрд: многолетняя практика подсказывала ему верный путь — сначала надо создать прочную экономическую базу для Чеганова, добиться устойчивых урожаев, увеличить поголовье скота, механизировать, насколько можно, сельскохозяйственный труд, а уж затем переходить к постройке и самого посёлка с его будущими садами, гостинице, столовой, домом для престарелых.

Тамара жила в Чеганове недавно. Она окончила в Иваново трёхгодичную школу, которая готовила культработников для сельской местности, и, когда, подписывая диплом, её спросили: «Куда вас направить?» — она ответила: «В Чеганов!»

Руки её рвались к работе. Когда Тамара приехала в колхоз, все были в поле, и она сразу с ворохом газет — речью товарища Маленкова — пошла по бригадам.

Тамара не стала ужасаться в сторонке, как гостя, когда осматривается колхозница. Она подошла к одной, постарше, и взялась за лопату.

— Я покопаю, а вы отдохните.

Рыли морковь. Груды овошей росли вокруг Тамары. Она не отставала от других, и женщины уже переглядывались доброжелательными взглядами.

Проворная, общительная девушка поправилась колхозницей.

— Вот что,— сказал ей наконец,— ты читай, да не быстро: нам всё интересно поинты! Уставай и съезжайте возвращаться Тамара с поля. Ей казалось, что сегодня она работала так, как и надо, — во всю силу своего сердца! Будущее представлялось ей лёгким. Главное — найти, как говорит механики, контакт с людьми.

Но её ждали и другие трудности. Клуб, основное место её работы, был тесным помещением. Тамара ходила не раз к Василию Фёдоровичу, но председатель был занят, а вернее сказать, не считал её дела особенно важными.

Двадцать лет он был председателем колхоза. Начав с одной деревеньки, в год коллективизации, Чеганов всё разрасталось и разрасталось, объединялся окрестные колхозы, и наконец сейчас колхоз-миллионер занимал треть территории всей области. Одной пахотой земли, не считая лугов, у него было 1 400 га. Заслужена слава Чеганова! Заслужил почёт и его бессменный председатель Василий Фёдорович Смирнов. Сами колхозники каждый год просят его ещё и ещё потрудиться для общества, не уходить на покой.

— Не будет у нас без чего такого порядка,— говорит один — Настоящий хозяин!

И это общее мнение справедливо.

Но вот Тамара Пухова, которой никто не давал её лет, и даже парня при знакомстве спрашивали: «С тридцать пятого года?» «Нет,— сердито отвечала она,— с тридцатого!» — ей стало казаться, что самый лучший председатель самого лучшего в области колхоза не всё понимает в сегодняшнем дне. Она сама удивлялась этой мысли, но никак думать уже не могла.

Всё началось с мелочей. Может быть, и справедливо, что Василий Фёдорович мог отмакуться в горячие время уборки от того, что надо улучшить оборудование клуб, купить красочную материю, пригласить художника. Но уже несправедливо было, что * он, вои

оставлял все поля зрения жизнь колхозной молодежи. Если ребята и девушки хорошо богали, их хвалили,— и на этом все кончалось.

Казалось, Василий Федорович забывает, что в него толкают Трудовиками, но и богато мечтой живут сотни дет колхозников. Большие трудности неганаовы осознано средна школы и техникумы, двадцать пять человек получило высшее образование.

Жизнь, кровными нитями связан волжский колхоз со всей страной. Сия самого председателя знает посланца с Туркменского кантата: он гидрометеоролог, учился в Тимирязевской академии в Москве.

Но ведь и Чеганову нужны образованные люди! Завтрашний день колхоза — это творение самой жизни найти в колхозах применительно к условиям и техникам, но и инженером, артистам, ученим!

— Разве я не права в этом, Гая! — горячо спрашивала Тамара, заглядывая в лицо портриту, секретаря комсомольской организации Галины Ивановой.

Гая сидела за своим столом в библиотеке. Она только что приехала из отпуска, и работы накопилось много.

— Конечно, права!

Хорошо и правильно воспитывает Галина Иванова наших комсомолов. Она видит глаз с каждым годом вырастают люди, меняется облик Чеганова, всех четвернацати деревень, о которых любит при случае снова и снова вспомнить на собраниях Василий Федорович.

Переговорив о всех делах, Тамара подбирает в книгу поэмны, и обе девушки садятся, обнявшись, у огня.

Они говорят о новых князьях, о своем будущем, о счастье. А ведь в наше время для того, чтобы быть счастливыми, нужно много. Мало хлебовых запасов, которых как старые сосиски впадают дурной сундук Тамара. Мало многих тонн зерна и пшеницы, картофеля и овощей, которыми засыпаны кладовые семей колхозников. Мало даже трехведерных бутылек зельной бумаги, что устанавливаются в каждом доме и близком складбаче.

— Когда мы построим новое Чеганово, у нас тоже, как в городах, будут на Май и Октябре большие демонстрации, — мечтает Тамара. — А как ты думаешь, Гая, — добавляет она покаянно, — не будем ли, когда наш хор опять поедет в Москву?

— Обязательно добьёмся.

И Гая рассказывает, как неизменно дружными аполдонистами встречали их москвичи, едва запеваши или свою колхозную песню:

Колхоз родной Чеганово
На всю страну прославился...

Цеплями лямия бродили они тогда по статике, обошла все музеи, осмотрели все памятники, а бравые парни-кубаны наперобой ухаживали за «ивановскими невестами».

— Девушки, — вдруг прерывает их, вхола, удивленно говорит: Ольга Николаевна, как вы так тихо сидите, я думала, никого нет. По радио сейчас пьеса «Семья» передавали, так я даже стареть бросила. Знала бы, что вы здесь, князюки бы.

Только тут Тамара спохватывается и, выкинув платок, ахает, что пропустила все сроки, бежит по лестнице.

Гая протягивает руку к выключателю, и тоже выходит из дома.

Равными тёмными вечерами чегановское небо по-зимнему шепоту услышано зыблится. Оно влико стелется к вершишкам лес, как в сетках, запутанности в ветви берёб и осина. Гая запрокидывает лицо и несколько секунд, припожимку, смотрит вверх. Почти всю время видно, как над головой поворачивается мироподобие. И в Гале кажется в этот миг что она стоит в центре вселенной и все эти большие и малые звезды, дальние планеты, широкий поток Млечного Пути — все в полную мощность льют свет именован сюда, на чегановскую землю, но против спит под негасим златоного варью.

А потом Волга взмывает лёд, вниз прождут первые пароходы, гулжамы буая озимь: «Провисайтесь, провисайтесь! Время иди в рост!»

Гая стоит, прижав к сердцу руку, и, кажется, вместе с его стужим ей слышен поэт времени.

Есть люди, друнить с которыми легко и радостно. Они не навязывают тебе своих взглядов и взглядов, не сервятся по пустякам, а если אותו наукою-нибуду услугу, то делают это незаметно, как должное. Именно таковы знают студентские курсы металлургического факультета Московского института цветных металлов и золота своего товарища по группе Елееса Салимова. А ещё больше знает и ценит Елееса его друг и земляк Кайролла Аришбева. Иник дружба, не полагается, особенно, если каждому из друзей по двадцать лет, а вперёд в зтом не полагается, особенно, если уверенность есть. До сих пор всё у них было одинаково: любовь и простора родного Казахстана, школа, класс, комнаты, где они жили, и даже одинаково — слово — завывание в ливонии в московском институте. Одинаково всё остаётся и сейчас: они студенты одного факультета, одного и того же курса, оба являются в Москву и живут в одном из комнат большого студенческого дома, покоеного по вечерам на огромной олимпийской кораблени Родина. Для Кайролла и Елееса она всюду, где живут советские люди. Но Казахстан — это место, где ты родился, где остался навсегда. Родина. Для Кайролла и Елееса она всюду, где живут советские люди. Но Казахстан — это место, где ты родился, где остался навсегда. Родина. Для Кайролла и Елееса она всюду, где живут советские люди.

— Если не со зла, пусть посомнеют. Зато учить тебя будут прославленные академики, профессор...

Последнее обстоятельство привлекло Елееса больше всего, и хотя он оставался верен себе, предоставил другу свободу действия. А в конце концов и Кайролла согласился с ним. Теперь об этих сомнениях уже никто и вспоминать наивно. А все время пребывания в русском институте казахи ни разу не почувствовали себя чужими или одинокими. Да и смежно говорить об этом, когда на любом фкультете, в любой группе участв ребята всех шестнадцати республик Советского Союза, и каждый из них найдёт здесь своих земляков, а главное — верных друзей среди русских студентов.

Теперь самая заветная мечта юных друзей — вернуться в родной город высокоиндустриализованными инженерами.

Часто, собравшись в комнате Елееса и Кайролла, студенты разговаривают уютно-нежно на географической карте, спрашивают молодого ли он него до Алтайских гор, до голубой реки Катунь... Молодость всегда остаётся молодо, и как бы ни был серьёзен будущий инженер, ему хочется, чтобы завод непременно стоял в живописной местности реки, во всем случае, неподалеку от неё.

— Красота в Казахстане хватит, — успокаивает друзей Елееса. Верить ли, тогда так

красота, что я о ней даже стихи писал! Главное не в этом. Главнее, чтобы мы хорошими инженерами стали.

— Об авторитетности своих знаний Елееса беспокоит уже сейчас. Он записался в научный кружок. Теория металлургических процессов и, помимо специальной литературы, читает все рекомендованные профессором диссертации по металлургии. Это отнимает много времени, заставляет относиться к нему бережливее, рассылать. Он ещё ничего никому не говорил, но товарищи уже догадываются, что Елееса подумывает о научно-исследовательской работе. Каким же будет кандидатом третьего курса читать все эти обильные диссертации? Белоний или тебе дружку Елееса. — говорит ему голова Кайролла.

— Но ведь и ты в научный кружок записался и диссертации, что я принимаю, тоже просматриваешь...

— Да Кайролла тоже ведёт научно-исследовательскую работу, но она ближе и приятнее, и кружок называется «Металлургические печи». — Я люблю всё выдать перед собою, ругая погорать, а у тебя всё это в голове, в формулах...

Елееса охотно соглашается: правильно, он больше теоретик, но ведь это их дружба не мешает! Они вместе ходят в театры, любят дубофу, один и те же казахские песни. Истали, слушать их, оказавшись, любят и русские друзья. Собравшись вместе, Елееса и Кайролла, девушки требуют от них этих песен — ведь знали только что пропеть русских. — Да ведь они всё равно слов не понимают! — пробует отговориться приятель.

— Не жалко угощать и давельнящихся друзей.

— Пойте, пойте! Мы на вас посмотрили и всё поймём. Даме сам подтанем.

А Лена Антонова, кареглазая худенькая девушка с большими косами, любит допытываться у Елееса, на каком языке он думает...

— Ты так хорошо говоришь по-русски, что просто интересно, как ты у тебя в мыслях получаешься...

— Вот так и получается — люблю прищуриваться Елееса. — Когда я абу-уба думую, это значит по-русски, а тогда о девшакх, тогда по-казахски...

Группа, где участв Елееса и Кайролла, очень дружная, и Елееса всегда готов откликнуться за доброе отношение старшей. Поминтся, при знакомстве с ним вы договорились увидаться лично в воскресенье.

Нет, днём и я не могу! — сказала Елееса. — В Большой театр иду, на «Красный манк». Она давно ждёт попутств, и вот удалось взять билеты.

По сдержанной радости, которая чувствовалась при этом разговоре, по особому вниманию глаз можно было понять, что для Елееса посещение Большого театра — праздник.

— Ну как, понравились «Красный манк»? — спросил на другой день кто-то из его одноклассников.

— А я не был.

— Как же так! Ведь вы оба с Кайроллой собирались...

— Верно, собирался. А потом тут один наш друг говорит: «Я в Большом театре ни разу не был». Неудобо было: он ни разу, а мы трижды!...

У Кайролла и Елееса в институте участв семейство звянокв, из них тринадцать человек — устьаманогорцы. Они чувствуют себя здесь, как равные среди равных, как посланцы Казахстана в кругу равных друзей.

Лариса ФЕДОРОВА
Фото А. Короблёв

Плата начались! Студенты Московского института цветных металлов и золота Кайролла Аришбева и Елееса Салимова в лаборатории металлургических процессов

Михаил ПРИШВИН

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

ИЗ ДНЕВНИКА

ВОЗМУЩЕНИЕ НА ХОЗЯИНА.

Хорошо в лесу тому, кто только о себе думает: как бы ему тут подышать, отдохнуть, успокоить себя! Но если кто-нибудь выйдет из себя и примет к сердцу своему человеческому жизнь самих деревьев в лесу, сейчас же у него начинается в душе возмущение на хозяина и зачесется душа, чтобы вмешаться в это неразумное хозяйство.

И когда пройдет возмущение, и одумавшись, и вспомянив, что нет тут хозяина и что всё само собой складывается от ветра, влаги, земли и солнца, так ещё хуже становится и ещё больше захочется вмешаться в дело природы и вывести всю эту лесную жизнь на человеческий путь.

ГОРБАТЫЙ ЛЕС.

Трудно сказать, то больше виноват в том, что лес выпел

горбатым,— ветер или поток. Весной впаив к реке между холмами впадает поток, и он мог погнуть вперед берёзки, впущившие в землю цепкие корни. Летом, когда между холмами на месте потока вырастают щелкун ветер всегда этой лощиной продувает лес,— может быть, это он пригнул молодые берёзы вперед?

БЛКА.

Трудно сказать, ветер или поток это сделал, но только сами светолобивые берёзы в стремлении своём к свету оказались сильней и воды и ветра: в конце концов они справились со стремлящими силами и — пусть горбатыми — поднялись высоко вверх!

Чем выше поднимается дерево, тем и крыльшки-ветки постепенно поднимаются, как будто собираясь по воздуху с силой ударить, вырвать дерево и увести его к солнцу.

А самые верхние крыльшки совсем высоко поднимаются, и на самом вершку пальчик блки показывает направление вверх...

БЛКА И ДУБ.

Гнались они друг за другом, блка и дуб, вверх к свету, кто кого перогонит.

Не по радости, или жадности, или волюности, или гордости затевали они этот гон, а по смертной нужде: кто раньше высушется в светлое окошко, тот собой и закроет его и сойдётся вершиной кроны с другими деревьями, как победитель. А все, что останется под пологом в полусвете, те и будут чалнуть всю жизнь.

Вот почему они и гнались и тянулись вверх, блка и дуб, коо всех своих сил.

ТЕРПЕНЕ ЕЛКИ.

Какая бы ни была буря, еловая иголка не пошевельнется.

ОПУШКА ЛЕСА.

Кому в лесу жить хорошо,— это тем высоким деревьям, какие господствуют и верхушкам стоят на свету. Но каким деревам лучше всего, кому жить — не жизнь, а сплошная масленка,— это тем, кто стоит на опушке.

У тех деревьев ветки всегда куются в свете, и у них даже задние ветки повернулись сюда, протянулись к свету, как руки.

Это на свету стоят семение деревья, и семенами их лес движется у нас по земле.

ТВОРЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ.

Для меня есть два времени: есть — нарастание света, и есть — с уменьшением света. Так а природе, а в душе человека нарастание света сопровождается нарастанием тревоги, вопросом: найдут ли силы в себе ответить зовам природы, пережить ли?

Убавка света возбуждает внутри себя силы и уверенность творчества, даёт веру в возможность гармонии — всего, составляющего основы творческого поведения.

Такое была осень для Пушкина: материал для мысли — родная земля, — а направление даёт каждое дерево своим ростом вверх, прямо к солнцу.

БЕЛЫЕ МУХИ.

Сегодня хватил мороз — 3. Солнце — открытие на всё небо, и душа отвечает вся вполне великому торжеству. А началось это в прошлую ночь. Со дня на ночь и всю ночь моросил мальчишай дождь, а к утру пошёл снег — первый замозок. Подмерзшие капли обращались в дождь, а на северной стороне ветерок сдувал снег: на юге шёл дождь, на севере — снег.

Пауки, не ожидая мороза, везде развесили паутину свои на чёрных мух, а полетели белые и наполнили их тяжело, как гамаки.

ЛЕСНАЯ КОЛОКОЛЫЯ.

Ночной снег отжал ветки деревьев, и теперь снег медленно раскосялся по веткам каллами, и они понемногу поднимались. Когда к вечеру стало холодеет, то мороз прежде, конечно, заморозил все калпы, а из-под снега на ветках они всё ещё выветривали — живая калпа на замёрзлую, — и тут все сами замёрзали, удлиная сосульки.

Мороз остановил тающий снег, когда всё дерево успело покрыться маленькими звонкими сосульками.

Утром лесная поляна стала наполняться светом, в лучах солнца чудесными подарками сверкали блочки, и ветерозаняр заиграл на своей лесной колокольне.

БУДУЩЕЕ.

Листья опали с деревьев, но почки будущих листьев, будущей жизни определились, и на каждой почке сверкает большая калпа.

ЗАМЕРЗАЕТ РЕКА.

Вчера день прошёл, как полносолнечный, и вечером встретился с полнолунием.

Женщины спускались с берега за водой и повторяли друг другу:

— Речка наша замерзает. С утра ледяные искорки, вспыхивая, складывались в тонкие льдинки, и потело, как ледоход, по реке есало.

Земля и вода больше не верят общему солнцу, и даже в самый полносолнечный день в тени и на северных склонах белые пятна снега не проходят, и — подумать только! — при скольких-то градусах тепла и в ярком луче солнца лаянут по реке, не переставая, тонкие прозрачные льдинки, образующие потом лёд.

Идёт где-то человек в сапогах, и мёрзлая вода его ногам бунчит под ногами.

Замерзает земля! А у устья ледяным «сало» забилась все пролёты, кроме одного — на той стороне реки, — и туда, в единственный, валит всё есало.

Замерзает земля! А у устья ледяным «сало» забилась все пролёты, кроме одного — на той стороне реки, — и туда, в единственный, валит всё есало.

Замерзает земля! А у устья ледяным «сало» забилась все пролёты, кроме одного — на той стороне реки, — и туда, в единственный, валит всё есало.

Замерзает земля! А у устья ледяным «сало» забилась все пролёты, кроме одного — на той стороне реки, — и туда, в единственный, валит всё есало.

Замерзает земля! А у устья ледяным «сало» забилась все пролёты, кроме одного — на той стороне реки, — и туда, в единственный, валит всё есало.

Замерзает земля! А у устья ледяным «сало» забилась все пролёты, кроме одного — на той стороне реки, — и туда, в единственный, валит всё есало.

Замерзает земля! А у устья ледяным «сало» забилась все пролёты, кроме одного — на той стороне реки, — и туда, в единственный, валит всё есало.

Студенты в новом университете.

Д. Вирюков.
Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина.

Пушкин и Жуковский у Глинна.

СМОТР молодых сил

Дети на санях.

Анварья С. Берштейна

Ленинградская средняя художественная школа при Институте имени И. Е. Репина.

интересе молодых художников к жанровой живописи. В этом году больше картин, посвящённых советской молодёжи. Сюжеты жанровой живописи стали разнообразней, образы — правдивей и убедительней.

Московский дипломник Л. Гудсов создал небольшую жанровую композицию «Одноклассники», изображающую юношей и девушек, собравшихся на вечеринку. Вся сцена овеяна теплотой. Художник создал обаятельные образы своих современников и сверстников — советских молодых людей.

Картина Гудсова близка дипломной работе выпускника Московского суриковского института С. Шилинкова «Студент». Перед нами комната студенческого общежития. Сквозь большое окно разглядывается широкая панорама Москвы. Видны служат строящиеся здания Московского университета. Высокое небо ярко освещено в час заката. Группа студентов собралась вокруг молодого парня, читающего вслух книгу. Тут и недавний фронтовик в гимназистере и молодые ребята, пришедшие в вуз со школьной скамьи. Сейчас все они сплотились в дружную студенческую семью.

Геодезисты — строители коммунизма.
Скульптура Ю. Павернит.

Художник показал, как в каждом из героев под впечатлением прочитанной книги рождаются свои чувства и мысли. Выразительная фигура юноши, сидящего на подоконнике и смотрящего на дальний горизонт, на строящемся доме, на возносящемся здании университета. Этой фигурой художник удачно связывает незнакомый фон с группой героев.

Студенческая тема привлекала и некоторых других живописцев. Г. Маннер показал картину «Сдал экзамен», Д. Бирюков — полотно «В новом университете». Советского зрителя радует внимание молодых художников к темам, в которых отражаются будни советского человека.

Большим успехом пользуется картина ленинградского живописца В. Рутштейна «В родной школе». Сюжет её прост: в родную школу к старой учительнице пришли её бывшие ученики. На картине запечатлён тот момент их встречи, когда ещё не начались разговор и не найдены слова, чтобы выразить вдруг охватившие всех чувства. Старая учительница с материнской любовью смотрит на молодого высокого офицера-лётчика. У двери с любовью томятся ученики. Картина Рутштейна обладает большим достоинством — простотой и доходчивостью.

Среди жанровых картин, экспонированных на выставке, много посвящённых изображению детей. В этих произведениях художники проявили свою наблюдательность, сумели передать своеобразие детского характера. Дипломная работа ленинградца Б. Корнеева называется «Школьники на концерте». Картина написана яркими красками, светло и красиво. Привлекателен образ девочек, изображённых на первом плане.

Менее удачны работы дипломников, посвящённые темам труда, колхозной жизни.

В картине харьковского дипломника Ф. Юсупова «Фрунзенская крестьянская делегация на Харьковском тракторном заводе» досадны признаки штампа. Художник пошёл по проторённой дорожке, не вложив в этот, уже не в первый раз встречающийся в советской живописи сюжет ничего своего, ничего нового.

Большое недостатки находим мы и в сырой, недоработанной картине ерванского выпускника А. Авраамова «Карбидчик».

В передовой статье «Советский художник» (от 7 января 1951 года) газета «Правда» писала, «что даже самое умелое видение технической живописи становится бессмысленным, ничего не даёт художнику, когда нет у него главного — творческого, вдохновенного отношения к жизни, к человеку, к идейному смыслу изображаемых событий».

До сих пор некоторые художники считают, что выбор важной темы целиком обеспечивает

В последнее время в нашей художественной жизни установилась хорошая традиция — ежегодно проводятся смотры молодых сил, вступающих в советское искусство. В этом году выставка дипломных работ живописцев, скульпторов и графиков, открытая в залах Академии художеств СССР, значительно отличается от предшествующих. Здесь представлены работы не только москвичей и ленинградцев, но и дипломников Ереванского, Тбилисского, Харьковского, Таллинского, Рижского и Вильнюсского институтов и академий. Это придаёт особый интерес выставке, делает более наглядными успехи советской художественной школы.

Дипломная работа — первое законченное произведение, о котором высказательный зритель судит без всяких скидок «на молодость». Вполне естественно поэтому, что почти все представленные на выставке работы — шлод серьёзного, длительного труда. Сюжеты, к которым обращаются молодые художники, свидетельствуют об их расширившемся кругозоре, о крепящихся связях советского искусства с жизнью.

Зритель, входящий в залы Академии художеств, встречает скульптурная группа, изображающая И. В. Сталина и маршала Васильевского в один из тех моментов, когда в годы Великой Отечественной войны в ставке Верховного Главнокомандующего создавались гениальные стратегические планы победы. Автор скульптурной группы ленинградец В. Едуков сумел передать значительность воспроизведённой им сцены, удачно справился с композиционным решением группы.

В одном из первых залов выставки внимание зрителя привлекает картина москвича В. Артамонова «Пушкин и Жуковский у Глинка». Наибольшая удача живописца — образ замечательного русского композитора. Художник сумел как бы прозвучать всё своё полотно одним настроением, которое читает зритель и в лицах героев и в общем насыщенном цветовом строе картины. Удачны образы Пушкина и Жуковского, целиком захваченных глинописной мелодией.

В работе москвича А. Дубинчика «Жуковский с молодыми советскими лётчиками» чувствуется серьёзное отношение к теме, глубокое изучение эпохи, исторических материалов, продуманность сюжета и композиционного решения.

Этих черт как раз не хватает в картине А. Москвина «П. И. Чайковский». Зрительно остаётся неснен сюжет картины. Великий русский композитор изображён у рояля. Видимо, только что он играл какое-то своё произведение. Но зрителю трудно понять, как отнестись к нему слушателю, о чём идёт разговор, каковы, вратки или друзья окружают композитора. Чайковский скорее позирует перед художником, чем принимает участие в происходящей сцене.

Дипломные работы живописцев, показанные на выставке, свидетельствуют о возросшем

успех картине. Это в корне ошибочная точка зрения. Избрав важную тему, художник несёт особую ответственность за её глубину, реалистическую разработку. Прежде всего он обязан изучить жизнь, которая стала предметом художественного отображения, справиться с темой, осмыслить её, найти сюжет, который позволил бы передать взаимоотношения изображённых героев, их отношение к своему труду; обязан раскрыть психологию человека, его внутренний духовный мир. В упомянутых произведениях не только не чувствуется глубины в изображении человека, но и не видно стремления художников встать на путь серьёзного и мудрого решения темы.

По-другому отнёсся к теме труда харьковский Е. Давыдов. В его картине «Харьковский тракторный завод. Проба стали» перед зрителем встают живые люди; каждый из них принимает живое участие в общем деле. Картина обладает также значительными живописными достоинствами и является одной из удач в решении темы труда.

Не могут полностью удовлетворить картину дипломником, посвящённые теме борьбы за мир. Бессспорно, картины Д. Белаева «За мир» и В. Арлашина «Мы требуем мира» обладают большими живописными достоинствами, свидетельствуют о высоком мастерстве писателя и композиции. Но характеры героев, их действия, их переживания не проникнуты единой мыслью, одним порывом; художники лишь описывают событие, не раскрывая его значительного внутреннего содержания.

Выставка продемонстрировала серьёзные достижения молодых скульпторов. Ереванец Р. Екмялян создал убедительный портрет Суворова и интересный проект памятника великому полководцу. В проекте памятника Суворов представлен на козе, видимо, в один из напряжённых моментов битвы.

Выразителем образ коренник в девочкой («Корёе победит») Г. Бадалаян.

Молодые скульпторы Прибалтики Ю. Паберит, Э. Танилюс, Э. Бергман выставили интересные, хорошо выполненные произведения. Скульптурная группа Э. Бергмана «Боезащиты строители коммунизма» представляет молодых участников великих строев сталинской эпохи. Скульптуры двух других дипломников посвящены спорту.

Среди скульптур московки выделяется монументальный портрет Д. И. Менделеева работы С. Круглова.

На выставке значительный интерес представляет ряд работ — графиков и театральных декораций.

Превосходные иллюстрации к «Тихому Доли» Шолохова создала ленинградка Черская, впервые в советской иллюстрации для столь глубокую интерпретацию классического произведения советской литературы.

Ленинградец Савиных хорошо справился с трудной задачей иллюстрирования «Пиковой дамы» Пушкина.

Харьковский дипломник Васильченко выставил большую серию «На великих стройках». Несмотря на известную протоколность в изображении великих строев, Васильченко в своей серии создаёт грандиозную картину, увиденную глазами современника, свидетеля небывалых преобразований природы.

В графической серии «На дорогах войны» В. Зноних показал себя мастером пейзажа, в совершенстве владеющим рисунком.

Среди работ молодых театральных декораторов выделяются эскизы оформления оперы Мурманского «Хованщина», сделанные ленинградцем Лувсангином.

На выставке представлены также работы учащихся средних художественных школ Москвы и Ленинграда. Успехи учащихся этих школ заставляют верить, что мастерам советского искусства готовится достойная смена. Художественная молодёжь, вступающая сегодня в жизнь, призвана образовать в своём творчестве великую борьбу советского народа за построение коммунистического общества. Ей созданы все условия для того, чтобы она успешно справилась с этой задачей. Молодые художники должны ещё пристальнее изучать жизнь, творчески осмысливать её, искать пути к более яркому и восторженному её отражению.

Д. САРАБЬЯНОВ

Рисунки Д. Пивоварова

Вой громче звучат слова: «Янки, уберите вой!» Это клич патриотов сторонников мира. В странах пораждённых американским капиталом, ширится движение против поджигателей войны.

Подготовка к Конгрессу народов в защиту мира демократов вызывает ещё знаменитые лагеря мира, возглавляемого Советскими Союзом. Всё гласное дело прогрессивных деятелей литературы и искусства, выражающих мысли и чувства своих народов. Сегодня мы печатем стихи и песни поэтов — борцов за мир.

Луи АРАГОН

Стучусь я в двери

Стихотворение «Стучусь я в двери» открывает собой новый цикл стихов Луи Арагона «летом 1952 года. Опознать, созданный в 1952 году. Мне приходится бороться за мир, против инквизиции».

Стучусь я сегодня в двери,
Что открывались нам,
Когда патрул фашистов
За нами шёл по пятам.

Друзья! Это Франция снова
Ищет защиты у вас.
Вы узнаете мой голос
В этот тревожный час?

С песней, к борьбе зовущей,
Стучался я в ваши сердца,
Друзья по войне, которой,
Казалось, не будет конца.

В глазах ваших были слёзы,
Также ж, как в наших глазах.
Одно и то же оружие
Было у нас в руках.

Забыв мы разве, как Францию
Враг на куски крошил?
Забыв о тех бесстрашных,
Кто в битвах за родную паг?

Помните! Так же, так же,
Краской стыда горя,
К ступе шагов однажды
Прислушивалась зря.

Лжи громовые раскаты
Хохоту смерти средни,

Наших героев статуи
Гложут проказой они.

Торжмы — могла преддверье!
Жаждет заморский паук
Белого голубя мира
В лапке повесить на крок.

Перевёл с французского
Нинки РАЗГОВОРОВ

КУБА

Восемьсот миллионов

Куба (псевдоним поэта Карл Вартели) — лауреат Национальной премии, генеральный секретарь Союза немецких писателей, кандидат в члены ЦК СЕП.

Восемьсот миллионов,
свободе верны,
вставай, силовичные,
протав войной.

Восток сломил страдания —
республики взрослые!
Лети, мой восставный,
к героим соданным!
Мы видим чертаны
грудных дней земаи.

Пой, море, пой!
Дубы, скажите кронь
навстречу южным пылалым.
Заслушавшись, стую.
Что за мелодия!

Франтишек КУБКА

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЕ

Франтишек Кубка — известный чешский писатель, лауреат Национальной премии мира.

Старые французские генералы сухо поклонились, но руки не подали. Генерал Шпейдель и его доловзый спутник шёлкуну кабуками. Все уехали за длинный стол. Со слезами светило январское солнце и глухо шумел Париж. С улицы доносился низкий женский голос, предлагающий перные фиалки. Вошёл мухрой мужичина в французской военной форме со знаками различия полковничья и сел с узкой стороны стола. Свой позолоченный кортик он положил на колени. Прислушался одно из франко-германских совещаний — натыч в таком замешательстве в Петербере.

Французский генерал, председательствующий на заседании, пригладил руку седые волосы. Ладонь у него делалась влажной. Когда он приставлял от имени военного министерства и генерального штаба обоим немецким гостям, с которыми ему было приказано поддерживать

весьма деликатные отношения, голос у него немного дрожал.

Полковник Жак Момбер механически переводил с французского языка на немецкий. Он сидел, не шевелясь, не поднимая глаз, и повторял каждое генеральское слово на языке, на котором давно уже не говорил.

Руками, лежащими на коленях, он сжимал кортик с золотой насечкой.

— Принято решение практически рассмотреть вопрос о включении авианалётгерманских войсковых соединений в вооружённые силы Атлантического сообщества наций, — продолжал генерал тихим голосом. — До сих пор, однако, остаётся проблематичным, когда и в какой форме это может быть осуществлено.

Генерал набросил что-то карауливая на бумаге и снова помолчал. Переволбить было легко. Председатель конфиденциального совещания говорил медленно, с трудом подбирая слова и делая частые паузы. Он был явно не подготовлен; к тому же ему не нравились все эта зата. Генерал был стар. Он был родом из Лотарингии и верил в монархию. Он, прав-

Мира

То — восемьсот микалонгов
в одном строю!
Привет вам, города!
Вдохните поаной грудью.
Высоты дома в Москве —
бетон, стекло, гранит.
А как дела у нас?
Мы тоже строим,
люди!
О мире мой Берлин
с друзьями говорим!

Стучат молотки.
Пот сояным рубцём
по щекам
штукатура струится.
Поднимайся, Германия!
Когитесь боль твоих ран.
Вот косынки крестьянок —
цветами
— среди золотистой пшеницы.
И в почтении
перед нами
подъёмный склоняется кран.
Ты прислушайся к ритму Китая!
В Будашесте и в дальнем Шанхае
колготится сердце одно.
Соберайтесь на праздник!
В коншах у нас брага густая.
Винодел из Софии
отличное сделал вино.
Посмотри на Варшаву:
дома, — где зияли руины.
Густиозная Прага,
как света твой новый наряд!
Хлеб, возвращённый народом,
лежит на столе у румына.
Держит жаныя труда
восьмизотмиллионный отряд!

Перевёл с немецкого
Лев ГИНСБУРГ

Чёрный фюрер к нам не мог
Перебраться за порог,
Но теперь другой захватчик к нам
пришёл.

Здесь ему не жизнь, а рай:
Бродит пыльные «джи ай»!
И резинвою жвачкой портял пол.
Ваши книги — грязный хлам —
Не нужны и даром нам,
Ваши «комиксы» — отравы для ребят.
В них герои гангстер Джек —
Атомный сверхчеловек,
Вес в крови от головы до пят.
С нами вместе Робсон, Фаст...
Как пробьёт победы час,
Мы народ ваш сами в гости позовём.
Будет праздник. И мы уж не споем:
Прочь отсюда! Гоу хоум!
Ваш «порядок» нам не год!
Жить хотим мы по-другому:
На полях аэродромов
Мы хотим увидеть розы!
Мы не зря с фашизмом бились:
Нас обманом не возьмёшь!

Перевёл с английского
Ю. ХАЗАНОВ

1 «Джи ай» — кличка американских солдат.

Убирайтесь вон!

Стихотворение написано в японском сборнике «Песни» в 1951 году. Автор не мог постыдиться своего имени и подписался «Сэй с. о.», что означает «Без подписи».

Разбрызгивая комья грязи жидкой,
Вытём гуляюв зрывают тыпину,
Вы жметесь в дорогах авто и в джипах,
Вы — разорившие мою страну,
Вы — превратившие дышанье наше в стон.
Мы говорим вам: убирайтесь вон!

По мирным нивам бродят ваши танки,
Вы заглушили в рощах пенье птиц,
И всюду надписи: «Вход только япкам» —
Глядят на нас с бесчисленных таблиц,
И всюду окрики на языке чужом.
Мы влезли к нам, как в свой обжитый дом.

Японец ездит в переполненном вагоне,
А вам отодвигает отдельные места,
И оккупанты злобным криком гонят
Всех, кто посмеет забыть, что здесь
прошла черта.
Нам ненавистен ваш крикливый тон.
Мы говорим вам: убирайтесь вон!

Ваш «брак жизни» над страной доведет
Посядую голод, нищета и таян.
Для грязных дел в движущейся Корее
Вы требуете крови из наших вен,
Вы — макеры кровавых новых войн.
Мы говорим вам: убирайтесь вон!

Родные реки, что для сердца милая,
Лесов заблещат густые массивы,
Прекрасный Фудзи, полный скрытой
силы,
Сверхкажия аента Куросо!
Смотрите!

Рядом, в доме у соседа,
Бушует пламя, кровь режет течёт.
Никуто американцам права не дана
Во имя бизнеса открыть кровавый счёт!
Довольно с нас порохового дыма!
Вставайте, ратники машин и лауга!
В борьбе за мир — опора друг на друга:
Когда мы вместе, мы непобедимы!
Пусть крошечт и рстёт наш клмч
Торговцы жинзико, со всех сторон:
убирайтесь вон!

Перевели с японского
Б. РАСКИН и Ю. ХАЗАНОВ

Прочь отсюда!

(Песня английской молодёжи)

Прочь отсюда! Гоу хоум!
Ваш «порядок» нам не год!
Жить хотим мы по-другому:
На полях аэродромов
Мы хотим посеять розы!
Никогда нас не заставит зововать за
вашу ложь.

СОВЕЩАНИЕ

Рассказ

да, не считал, как когда-то его учитель, маршал Листе, законным наследником французского престола Отто Габсбурга Лотаринский, но был бы рад дожить до торжественной коронации в Реймсе. Король бы, несомненно, нашёлся, если бы не эти партийные драги и явкобинские преубеждения в адвокатских мозгах. Но такой генерал не любил. За свою жизнь он дважды видел их на французской земле и дважды был свидетелем их хозяйничанья в Лотарингии. Теперь министерство поручило ему договориться с ними о невозможном.

«Это тебе за твои дварванские симпатии!» — усмехнулся в душе переводчик. Те, что пришли в серых штатских костюмах с миниатюрной Железного креста в петлице и те, что сидели за столом напротив, были подготовлены лучше француза. Шпейдель перебил председателя, заявив, что они предполагают, что дело достигло более высокой ступени развития. Впрочем, добавил он, после приезда генерала Эйзенхауэра частные переговоры следует считать беспредметными. Голос Шпейделя гремел,

как танки Ромеля в африканских песках. Подполковник переводил теперь с немецкого языка на французский. Бывший начальник африканского штаба немецких войск знал, для чего он сидит за столом совещания.

Шпейдель говорил любезно, но весьма энергично. Он сидел прямо, как в седле, и то и дело подчёркивал ударами кулака по столу значение своих слов, которые если и не были откровенно агрессивными, то звучали достаточно жёстко. Его спутник закурил трубку и молча разглядывал лица сидящих напротив французов. «Готовится новая капитуляция», — думал он про себя. — Жаль, что этого не видит Гитлер. Он бы запылесил, как тогда в Компьне». Сосед Шпейделя, однако, не выдал своих чувств, спрятав охватившее его радостное волнение в облаке табачного дыма. «Наши французские друзья прямо-таки симпатичны», — продолжал он свои молчаливые размышления. — Им хочется и колется. Но им всё же придётся отведать этого пирога. Так им приказал Эйзенхауэр, а Эйзенхауэр плёт на приказы французов. Ему бы только скотинить

свою европейскую армию. А Европа, разумеется, немилым бы Германией империи».

Его так и подымало что-нибудь сказать. Но он лишь махнул рукой и окутал себя новым клубом дыма.

Трое французов сидели с опущенными головами. А Шпейдель всё говорил и говорил: о чести немецкого солдата, которая должна быть возрождена; о героической борьбе немецких армий, единственная цель которых заключалась в том, чтобы сломить большевиков и устранить большевистскую угрозу, нависшую над всем миром; о предательстве бывших французских министров, пообещавших Германию в Монские мёр, а потом объявивших её войну, когда немецкий Дингиг призывал немецких солдат на помощь против посягательства польского империализма. Подполковник Момбер перевел слово за словом. Он не винкал в смысле переводного, но именно поэтому за каждой фразой ему открывались картины недавнего прошлого. В них были любовь и ужас, война и смерть, новая борьба и новые разочарования.

«Мы восемнадцать лет. Он изучает языки в Сорбонне, часто бывает дома во Фландрии у своего дяди-человика в деревне близ Камбре. У дяди большая библиотека, первые издания Лессинга, Гердера и Гёте. Но Жака влекут сюда не только дядя и его библиотека,

но и дочь учителя Жозефина, прекраснейшая из всех белокурок девушек Фландрии, которых он когда-либо видел.

Шпайдель в это время только что закончил тираду о чести немецкого солдата. Жак переводил. А перед его глазами в туманной дали, словно подбурята дымкой времени, вставала утопающая в садах деревня, какую он знал в девятнадцатилетнем Вилни и поздние абрикосы, яблони и груши расцвели тогда все сразу. Он увидел мчащихся на мотоциклах по деревенской улице гитлеровцев. Их было тысяча, десятки тысяч; они походили на тучу саранчи, все они были одинаковы, с одинаковыми лицами и движениями. Все они сидели на одинаковых, оглушительно трещащих мотоциклах; все одинаково серьезные, в одинаковых касках и с одинаковыми винтовками. Они пролетели, и никто их не остановил. Кроме них не было никого ни на земле, ни в небе. Правда, были еще люди, притаившиеся за дверями и за занавесками. Были также шмели в вступящем кустике, ласточки, намертво перепуганные шумом моторов, несмотря на то, что они не боятся даже бурь. На площади перед школой бродили куры, а под учительскими окнами, наклонив шею, стоял павлин, глядя на парад моторизованных войск Адольфа Гитлера. Последним приката небольшой отряд с черными пелами. Впереди в колеске мотоцикла сидел офицер с эмблемой смерти — черепом и скрещёнными костями на фуражке. У него были длинные руки и багровое лицо. Он дал знак остановиться и вылез из колески. Ему понравился порода учительских кур. Он открыл по ним стрельбу на параболу. После каждого выстрела офицер раскатило хохотал, а затем подчинённые вторили ему точно эхо. Зато он прицелился в павлина, который пустился вутеть, вполча за собой ретрапавшийся шпайфель. Жак увидел, как из дому выбежала Жозефина, крикнула что-то и погрозила эсэсовцу кулаком. Тот не обратил на неё внимания. Тогда она кинулась ему вдогонку и, покраснев от гнева, ударила его по спине, красна.

— Не смей, не смей! Саняны ты этак! Офицер повернулся, молча взглянул на неё и бережно положил револьвер на дно мотоциклетной колески. Затем он выбросил вперед свою длинную руку и схватил Жозефину за горло. Она перестала кричать. Офицер поглядел вокруг и заметил предчел школой белый камень. Держа Жозефину за горло, он дотронул её до угля дома и ставя молча колотить головой о камень. Он делал это не торопясь, при молчаливом и вместе с тем радостном одобрении своих вооружённых людей.

Жак, увидевший это из окна, оцепенел, но через мгновение уже бежал вниз по лестнице, крича дяде, который стоял у забаррикадированных внутри дверей, чтобы тот вынул его, что на улице убивают Жозефину! Дядя не хотел открывать. Тогда Жак схватил его за плечи, оттолкнул от двери и сам отодвинул засов. Он выбежал на улицу. Перед домом лежала мёртвая девушка. Человек, который её убил, в это время сидел в колеску. Как ни в чём не бывало, он прицелился в павлина, который в это время вернулся и распустил свой хвост. Пуля ударила павлину в грудь. Эсэсовцы захохотали в ладони. Отряд тронулся вперед за войсками...

Генерал Шпайдель заговорил в этот момент об условиях, которые необходимо выполнить, прежде чем несправедливо униженный и осуждённый «вечнакт» будет в состоянии с чистой совестью сотрудничать в Атлантическом военном сообществе.

— Недостаточно, — говорил Шпайдель, — реабилитировать нескольких высших и старших офицеров, военных специалистов. Необходимо искупить вину, свою скорбление, нанесённое всему корпусу благородных командиров славной армии, авиации и флота.

Подполковник переводил... А перед ним проходили годы его скитаний по Франции. С Севера он бежал на юг. Он видел себя

в Марселе, среди людей, готовившихся к сопротивлению, в то время как в Вилни дипломаты и генералы изъяснялись наилучшие формы сотрудничества с врагом; он видел себя в маки, вполнаи схватки с эсэсовскими карательными отрядами, в ушах его звучало приглашенное пение партизан. Он слышал взрыв гитлеровского военного самолета в Саванне. Он снова сидел на коме и отдавал приказы партизанам, идущим на бой, который, как надеялись они, будет последним боем. Он видел марсельца, преданного ему как дар народа старую саблю времён 1871 года с красной лентой на эфесе.

Офицерское призвание — это, бесспорно, удел избранных, — любезно произнёс генерал Шпайдель.

Тут Жак увидел себя среди голлистов в монархии, зарпановцев и петлюнцев, которые вновь захватили в свои руки армию и теперь брезгливо принимали в свою среду партизана, нехотко признавая за ним военный чин, добытый в боях. Лишь несомненная образованность Момбера, многочисленные курсы, оконченные им, знание языков, а главное, šťastное стечение обстоятельств позволило ему сохранить мундир. Саблю с красной лентой ему запретили носить. Он спрятал её дома, в деревне близ Камбре. Момбер носил теперь позолоченный кортик, согласно уставу. Сейчас он лежит у него на коленях... В оконное стекло бьётся муха, разбуженная тёплым солнцем. Председатель старчески кривоносом. При этом он раскрывает рот, издавая короткое похрапывание. Его сосед дремлет. До сих пор он не проронил ещё ни слова. Шпайдель читал теперь длинный меморандум. Военный с трубойкой иронически улыбался. Шпайдель подчеркнул значение меморандума ударом кулака по столу:

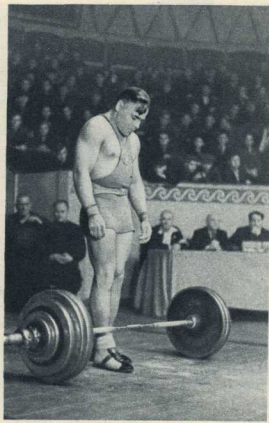
— Если это является решительным стремлением союзного командования, германские вооружённые силы охотно готовы, — разумеется, после полной реабилитации — приступить к рассмотрению способов своего сотрудничества с войсками свободного мира. В случае необходимости они готовы безоговорочно сотрудничать и непосредственно с французской армией, ибо смыслом существования германской армии была, есть и будет борьба за Европу.

Переводчик эти слова уже не переводил. Подполковник Момбер встал. Он был бледен, и казалось, что он плохо держится на ногах, но он твёрдой рукой бросил на стол между партнёрами свой кортик, повернувшись и вышел. Кортик глухо звякнул, ударившись о стол. Шпайдель вскопич. Председатель жестом руки пригласил его сесть на место.

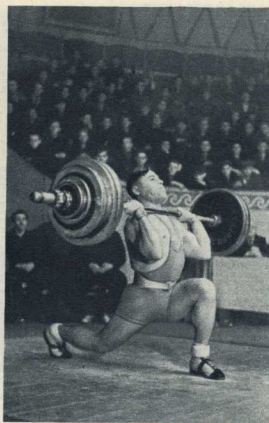
— Часто гадский темперамент! — сказал он, засмеявшись, чтобы скрыть своё замешательство. — Будем продолжать без переводчика. Ведь мы друг друга и так понимаем. Жак Момбер ещё до полуночи уехал во Фландрию взглянуть на саблю и выцветшей лентой на эфесе и на могилу Жозефина.

Перевод с немецкого
Е. БРАЙНИН

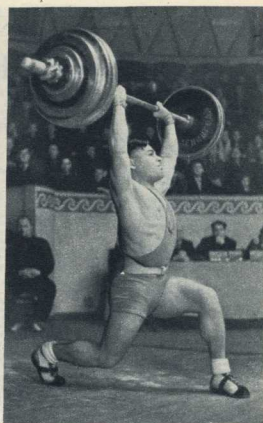

К штанге подошёл Трофим Ломанин.

Вес взят на грудь...

Толчок — и штанга над головой!

КАК Я СТАЛ ЧЕМПИОНОМ

Трофим ЛОМАКИН,
заслуженный мастер спорта

Спортом я начал заниматься шесть лет назад, в армии, и не штангой, а сначала лёгкой атлетикой.

До этого, правда, я любил поиграть в городки, волейбол, прыгать в воду, но серьёзно ничем не увлекался.

— Здоровый ты парень, Трофим,— не раз говорили мне,— а стоишь как-то в стороне от физкультуры!

Я отказывался, а сам думал, украдкой наблюдая за товарищами, как они ловко прыгали, бежали, метали: «У меня-то уж вряд ли так получится».

Весной, перед армейской спартакиадой, ко мне подошёл физрук полка.

— Вот что, товарищ Ломанин,— сказал он,— настал и ваш черёд защищать честь нашего спортивного знамени. В спорстве больше останется неслыша: успех зависит от каждого человека. А из вас получится хороший метатель. Вы сильный, резкий, быстрый; видел, как вы в городки-то играете!

— Да не выйдет у меня ничего!

— Вы попробуйте.

И я пришёл на стадион, переоделись в спортивный костюм, начал вместе со всеми разогреваться.

Как-то незлобно было вначале: у всех движения свободные, лёгкие, а у меня...

— А ну-ка, попробуйте метнуть,— сказал мне тренер, когда мы разогрелись, и проткнул мне гранату.

«Что ж,— думаю,— это — дело знакомое».

Взял, разбежался...

— Да где ж ты был-то?— вос-

кликнула товарищи, окружающая меня, когда граната упала чуть ближе линии прошлогоднего армейского рекорда.— Давно надо было заниматься спортом!

Потом мне показали, как прыгать в длину с разбега, толкать ядро. Удаюсь и это.

Успешно выступила наша команда в спартакиаде; по метанию гранаты я занял четвёртое место.

Теперь всё свободное время я проводил на стадионе, терпеливо постигал секреты мастера.

— А всё-таки вы не легкоатлет,— сказал мне однажды, наблюдая за нашей тренировкой, штангист майор Игумов.— С такой мускулатурой вам место не здесь. Приходите-ка к нам!

— А ведь, пожалуй, майор прав,— согласился товарищи, когда Игумов ушёл.

Знаю, где тренировались штангисты, лежал как раз на пути от стадиона к дому, и я зашёл туда. Игумов тепло встретил меня, усидел. В это время к штанге подошёл один из его учеников.

— Вот, на вид такой же, как вы, а смотрите, сколько он сейчас подымет... Ставьте на штангу 95 килограммов!

И в самом деле, человек, вышедший несколько не сильнее меня, наклонился и поднял штангу над головой.

— А ну, попробуйте вы,— обратился ко мне Игумов.

Все на меня смотрят. Отказываться незлобно.

Подошёл к штанге...

Игумов показал, куда ставить ноги, как браться. А его ученики стоят снисходительно поглядывают на меня.

Взялся за гриф штанги, оторвал её от земли...

— Тихи, тихи!— приказал Игумов.— На грудь!

Ну, и человек военный, ослушиваться не привык — «потнугу».

Когда же штанга была у меня на груди, он крикнул:

— Толкай!

Я толкнул...

— Хорош!

Ставит на штангу 105 килограммов...

Я и этот вес толкнул.

— Да-а,— сказала Игумов, когда я, подержав штангу над головой, аккуратно поставил её на место.— Если вы не будете посещать наших тренировок,— это преступление перед Родиной!

— Да, преступление! Из вас, может, мировой чемпион получится, а вы! Занимаетесь штангой, товарищ Ломанин, нам штангисты нужны!

— Да, пожалуй, у вас здесь пойдёт дело,— сказал мне и физрук полка.— Заходите, я вам необходимый для занятий спортивного выдам.

И я начал изучать приёмы поднятия тяжести.

Тренер говорил мне, что если я буду регулярно работать над собой, то вскоре могу превзойти все армейские достижения.

Я слушал, а самому не верилось, что силу можно наращи-

вать. Мне казалось так: раз человек поднял, скажем, 105 килограммов,— значит, уж больше, как ни старайся, не подымай!

Но вскоре тренерики доказали ошибочность моих взглядов: то, что в первые дни я поднимал с огромным трудом, через месяц одолевал уже легко.

Это открытие окрылило меня, я стал регулярно посещать тренировки.

Через месяц в составе сборной команды тяжелоатлетов Дальневосточного военного округа я поехал в Ленинград на первенство Вооружённых Сил.

В дороге я думал о том, что увидю мастеров спорта, чемпионов. И я не обманулся в своих ожиданиях. Выступления таких мастеров штанги, как Александр Божко, Алексей Жигин, Сурен Выдагсаров, Евгений Барышников, показали мне, что я ещё плохо усвоил технику. Меня поразила лёгкость, с которой опытные штангисты поднимали огромные тяжести.

— Главное в нашем деле не сила,— сказал мне потом Божко,— а техника. Если во-время сделал падёс — «подлез» под штангу,— она сама пойдёт вверх. Вернувшись домой, я стал ещё старательнее изучать технику поднятия тяжести.

— Вам нужно учиться,— сказал мне однажды командир полка; он частично заходил к нам в тренировочный зал.

И я поехал в Ленинград, в Институт физкультуры. Вынимательно отнёсся ко мне мой новый тренер, заслуженный мастер спорта Жигин. Он терпеливо объяснял мне тонкости техники, часами помогал отработывать каждое движение.

ХОККЕЙ В АМЕРИКЕ—

ГРЯЗНАЯ ИГРА

Результаты стали быстро расти; вскоре я легко выполнял норму мастера спорта. Теперь мне предстояло состязаться с сильнейшими спортсменами страны, да и, по существу, сильнейшими спортсменами мира. Ведь подавляющее число мировых рекордов установлено советскими тяжелоатлетами.

Нелегкая предстояла задача. И если до этого мне удавалось одерживать победы за счёт природных данных, то теперь, это я хорошо понимал, необходимо было обращать ещё больше внимания на технику. Иногда мне казалось, что большой вес уже мне не поднимать, но тренер смотрел, анализируя каждое моё движение и говорил:

— Неирава, Трофим, а ноги как станин? А корпус? Попробуй-ка вот так...

Я пробаовал, и мне стало ясно, что с таким трудом достигнутые результаты далеко ещё не предел.

— По грамм, если можно так выразиться, росли мои знания и опыт.

В 1951 году мне выпало счастье защищать спортивную честь Советского Союза на XI всесоюзных студенческих играх в Берлине; там я занял первое место.

Золотая медаль и звание чемпиона наложили на меня огромную ответственность; теперь я тренировался ещё более усердно, вместе с тренером искал всё новые пути к совершенству.

Трудно же пропал даром: а в 1952 году я выиграл звание чемпиона СССР в среднем весе и в составе сборной команды страны начал готовиться к XV международным олимпийским играм.

Борьба предстояла нелегкая. С чувством горькой ответственности готовясь мы защищать спортивную честь Родины.

С 25 спортсменами, представителями различных стран, пришлось встретиться мне в Хельсинки, и самым серьёзным среди них был американский тяжелоатлет чемпион мира Станчик.

Все реакционные газеты заранее называли его чемпионом. «Ну что ж,— думал я,— посмотрим!»

В первом движении — жим двумя руками — американец выиграл у меня 2,5 килограмма.

— Не падай духом,— подбадривали меня товарищи.

А я и не падал, старался держать себя спокойнее.

В рынке двумя руками результат у меня и американца одинаковый — 127,5 килограмма.

Станчика окружили фоторепортеры. Американец небрежно улыбается: он уверен в победе.

Начинается последнее упражнение — толчок двумя руками. Станчик добился хорошего результата — он толкнул штангу весом в 160 килограммов.

Чтобы принести команде золотую медаль, мне нужно было толкнуть не менее 163 килограммов.

Я попросил поставить на штангу 165 килограммов. Команде требовалась убедительная победа!

Никогда я не волновался так, подходя к штанге.

Но, взглянув на спокойные лица товарищей, я понял, что они уверены в моей победе. Это придавало мне сил. И я толкнул поставленный вес.

Команда Советского Союза заняла первое место, доказав всему миру, что нет на свете народа сильнее русского!

Газеты «Вашингтон пост» сам глава американской охраны мистер Гувер не может заподозрить в нелегальной. Но даже и этот реакционнейший из органов заокеанской пропаганды не посмел скрыть от американского читателя скандальные факты, сопровождавшие выступления олимпийской хоккейной команды США в 1952 году.

«Многие зрители», — пишет газета о встрече американской и швейцарской команд, — «выразили своё возмущение слишком грубой игрой американцев тем, что забрасали их снежками. Поскольку же клоуны в руках обнаглевших заокеанских хулиганов служили скорее для драки, нежели для игры, то зрители попытались в буквальном смысле слова обезоружить их.

Перетурнившие американские хоккеисты вынуждены были обратиться за помощью к полиции.

О том, как веда себя олимпийская команда США во время встречи с чехословацкими хоккеистами, известно всему миру. Недостаток в технике американцы с лихвой восполняли грубостью. В результате такой «игры» ряд спортсменов чехословацкой команды получил серьёзные увечья.

Такое лицо американских «клубительских» команд. Можно себе представить, как выглядят игры профессионалов!

«Хоккей — грязная игра» — таков заголовок обширного фоторепортажа, приводимого американским реакционным журналом «Лайф».

На многочисленных, отлично выполненных снимках изображены моменты тренировок одной из известнейших в США профессиональных хоккейных команд — «Ред Уингс».

Тренер команды Джек Адамс обучает своих «парней» приёмам грязной игры. «Среди всех видов спорта», — пишет далее журнал, — профессиональный хоккей — это игра, где грубость является высшим и необходимым искусством.

Американская пресса требует, чтобы каждый современный игрок в хоккей сумел переносить удары и давать сдачи, ну или воткнуть на семь дюймов влошку под ребро противника и т. д.

«Лайф» поясняет, что в настоящий момент в США хоккейные тренеры отводят значительное время на обучение своих игроков «тонкому искусству грязной игры». Именно этому периоду обучения и посвящён фоторепортаж журнала.

На приводимом нами снимке Джек Кохдер «Ред Уингс» грозит командой отшпиговывает с партнёром удар локтем в челюсть. Нанести удар нулею точно, быстро и, главное, неожиданно для противника. Только такие удары принесут желаемый эффект.

«Главная цель грязной игры», — сообщает журнал, — заключается в том, чтобы довести противника до такого состояния бешенства, чтобы он больше думал о мести, чем об игре».

К чему приводит такое «вонючие» игры, легко себе представить. Десятки искалеченных и тяжело раненных игроков — вот итог каждого хоккейного сезона в США. Достаточно сказать, что во время очередного матча упомянувшегося нами «Ред Уингс» с канадской командой один из канадцев был посвящён своими американскими противниками в «тонкое искусство» грязной игры столь энергично, что лишь своевременное вмешательство врачей

спасло ему жизнь. И этот, с позволения сказать, «хоккей» усиленно рекламируется в США, чтобы привлечь на стадион побольше зрителей! О хоккейных «звездах» пишут в газетах, показывают их на экранах. Впрочем, достаточно даже самому популярному игроку получить тяжёлое повреждение (что в Америке происходит весьма нередко), как его имя немедленно исчезает со страниц.

Хоккей с жёбой — полезная, увлекательная игра. Лучшим доказательством этому служит популярность хоккея в СССР и значительные успехи, которых за короткое время добились советские хоккеисты. Но то, во что превращён этот вид спорта в США, действительно не называй иначе, как «грязная игра». Впрочем, подобное замечание подходит почти к любому виду спорта в США, где спорт находится в руках бизнесменов.

А. КУЛЕШОВ, М. КОРНЕВ

ФАБРИКА ВУЗОВ

В тихом переулке Замоскворечья находится «Гипроуз» — фабрика творческих мастеров, где советские архитекторы разрабатывают и утверждают проекты новой отрасли архитектуры — вузовского зодчества.

«Гипроуз» означает Государственный институт по проектированию высших учебных заведений. Это институт — единственный в мире, ибо только в нашей

стране, чтобы наши девушки и юноши могли научиться прославлять дороги в Кара-Кумук, победить страшные болоты, проложить и индивидуальную тайгу мироздания, изобрести сложнейшие механизмы — словом, создавать всё, на чём складывается фундамент будущего коммунистического общества.

В творческих бригадах наряду с многоопытными мастерами работают и молодые. Александра Полюнина, удивительной молодой архитектор, успешно выступила в конкурсе на лучший проект стоголового юридического института. При участии архитектора М. Федоровой создан отличный проект здания Observatorium Московского университета. Об этом проекте инженер-архитектор В. А. Попов говорит с искренним восторгом:

— Понимайте только: в таком сложном здании с небольшой натурой так искусно, так талантливо размещены сложнейшие астрономические обсерватории! Тут подлинный творческий взлет, пряматы колоссальное проникновение в специфику объекта.

надо полагать беседовать с сотрудниками, преподавателями, профессорами.

В этих беседах, в собственном опыте рождается, оцифруется от лишнего и обрывает нужными выхватывая подроб, даже необычная проект.

Под руководством опытного архитектора Е. К. Каланашниной над проектом обсерватории Чебоксарского сельскохозяйственного института работала комсомолка Л. Мещутина. Недавно студентка, она оказалась в этот проект всю свою душу. Векомыслишь годы, проявившиеся в один проект с подругами, их разговоры о том, какое обязательство построили бы они лично — ведь придет же такая пора, когда они получат диплом архитекторов! И не случится ли проект Чебоксарского института был признан одним из лучших. Конин же чертёвней переданы в дар Народной Республике Болгарии.

В великой Стране Советов есть институты и в столицах и в районных городах, и даже в селах. Там, никогда бездумом, почти совсем неграмотно — баширском селе Мисоустове несколько лет назад создан учительский институт.

И вот когда создаются проекты вузов для национальных республик, нельзя забывать об особенностях местных архитектурных местных условий. В Северной Осетии нельзя строить такое же здание, как в Узле и Чебоксарах. Институту в Анжидже требуются сложные наклонные в своём направлении. Здание горного вуза в Ташкенте надо удерживать с ансамблем, выдержанным в стиле классической учебной архитектуры.

Охватывая большие творческими объединениями архитекторов и инженеров «Гипроуз» работает над созданием новых проектов. И когда на законченном чертеже, на рисунке фасада уверенно ставится подпись автора и участников проекта — это значит, что их благородный труд удовлетворил свои наряды и значимы многих поколений.

А. ЧЕРНОВ

GMEHA
Рассказы

Так будет выглядеть Чувашский научно-социально-экономический институт. Фото М. Шведова

стране, где право на образование — достояние всех, могла быть создана такая необычайная по размаху и направленности творческая организация.

До 1917 года в России было создано пять вузов в энцклопедии, 68 вузов, включая сюда и такие, как духовная академия. Но вот директор «Гипроуза» Сергей Игнатьевич Колчанев раскрывает перед нами картину с институтскими планами:

— В 1952 году «Гипроуз» подготовил более ста проектов новых строительных и расширенных институтов и университетов.

И в этих случаях строках чувствуется сила народа, несомненно, великие масштабы нашей жизни: ведь за один советский год делается больше, чем за полтора десятилетия капитализма. Создаются здания факультетов, институтские лаборатории, длинные объёмные станции при вузах. Они строятся

Проект нового нефтяного института в Москве.

Это «волшебное проникновение» — плод упорного труда, результат большой работы. Ведь здание вузовское здание — факультет, лаборатория, мастерская, клиника — должно удовлетворять своим, особым требованиям... И чтобы создать хороший проект.

КРОССВОРД

Составил А. Старчев (Вадикн, Пензенский область)

По горизонтали:

1. Современный брадильный писатель.
2. Первый русский историк.
3. Специальность по измерению поверхности земли.
4. Профессия.
5. Птица.
6. Отдел моховиков.
7. Наука о твёрдых телах.
8. Штурман, в то время, когда отработаны и теку документы.
9. Свод законов гидротехнических сооружений.
10. Персонаж «Маснарад» М. Ю. Лермонтова.
11. Каменистая глыба.
12. Фундуция угла.
13. Выдающийся русский учёный-микробиолог.
14. Часть моря, отгораживающая от волн место стоянки судов.
15. Знаменитый русский лекарь.
16. Горы в Европе.
17. Единичные намерения силы электрического тока.

По вертикали:

1. Известный советский альпинист.
2. Музыкальное искусство в театральном представлении.
3. Соединение.
4. Минерал.
5. Документ.
6. Сорт перловой ренты.
7. Немецкий поэт и драматург.
8. Слово, совпадающее или близкое по значению с другим словом.
9. Прибор, измеряющий влажность воздуха.
10. Учреждение высшего учебного заведения.
11. Испрошенный реакция живого организма на внешнее раздражение.
12. Испрошенная реакция организма с возможностью последующего восстановления ее.
13. Прожитый стан.
14. Выдающийся русский скульптор.
15. Мифический персонаж.
16. Эпос шарло-финского народа.
17. Автор музыки гимна «Интернационал».

		1	2							
8	4	3	5			6	7			
				9						
		11		10						
						13		14	15	
		17				16				18
			20	21			19		22	23
		25							24	
						27		26		28
						29				
		30								31
						32				
						33				

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

- По горизонтали:**
 5. «Русалка». 6. Иштван. 7. Направлен. 10. За рема. 11. «Алмат». 12. Обухова. 14. Фолот. 19. Стив. 20. Глухов. 21. Иванов. 22. Невата. 23. Мелодия. 27. Глухов. 28. Лядва. 31. Гусин. 34. Ворон. 35. «Миргородна». 36. Драфа. 37. Лица. 38. Михайлов. 39. Либретто.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

- По вертикали:**
 1. Трубка. 2. Звездор. 3. Сириус. 4. Вальс. 7. «Весна». 9. Гырга. 13. Харуно. 14. Голубанов. 15. Хачатурян. 17. Понков. 18. Ромелин. 23. «Рогнеда». 24. Фарафел. 26. «Дорога». 29. Суриков. 30. «Ноль». 32. Листов. 33. Онегин.

Ответственный редактор — А. Баранов.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24.
 Тираж 120 000.

Тел. Д-3-4-24.
 Изд. № 932.

Редколлегия: В. Ажар, Г. Гуля, Е. Долматовский, Н. Жуков, О. Кокухова, М. Луконин, А. Никонов.

А 07128. Подписано в печати 26/ХІ 1952 г. Загла № 2881.
 Формат бумаги 70 × 108 1/2. 1,75 оум. л. — 4,8 печ. л.

Хорош друг! Уселся верхом на своих младших партнеров, грабит и занабалует их, клещет в хвост и в гриву, да еще приговаривает: «подрунись», что у американских толстосумов означает — сперва вы меня поведите, потом я на вас поезжу.

(Из речи товарища Маленкова на XIX съезде КПСС).

И В ХВОСТ И В ГРИВУ

Рисунок А. Сафонова и В. Жаринова

Цена номера 2 руб.

